

ЗАРОЖДЕНИЕ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ
АРМИИ

Белое движение в России

Сергей Волков

**Зарождение
добровольческой армии**

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

Волков С. В.

Зарождение добровольческой армии / С. В. Волков —
«Центрполиграф», 2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-09959-4

Книга «Зарождение добровольческой армии» представляет собой первый том из серии, посвященной Белому движению в России, и знакомит читателя с воспоминаниями участников событий на Дону и Кубани в конце 1917 — начале 1918 г. В книге впервые с такой полнотой представлены свидетельства не только руководителей антикоммунистической борьбы, но и ее рядовых участников, позволяющие наглядно представить обстановку и атмосферу того времени, психологию и духовный облик первых добровольцев. За небольшим исключением помещенные в том материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширными комментариями, содержащими несколько сот публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-09959-4

© Волков С. В., 2023
© Центрполиграф, 2023

Содержание

Предисловие	7
Раздел 1	10
С. Новиков1	10
А. Поливанов30	21
С. Апухтин51	30
В.Лисенко59	42
Е. Ефимовский62	46
И. Лисенко70	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Зарождение добровольческой армии. Том 1

Составитель С.В. Волков

Погибших лет святыя звуки...

М.Ю. Лермонтов

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Настоящее издание – первый том серии «Белое движение в России», имеющий целью ознакомить широкий круг читателей с воспоминаниями участников антикоммунистической борьбы в России в 1917–1922 годах. Если мемуары высших руководителей Белого движения (А.И. Деникина, барона П.Н. Врангеля и др.) в последние годы частично переиздавались и более или менее известны, то воспоминания менее видных и рядовых участников движения публиковались (за немногими исключениями) лишь в ряде эмигрантских журналов и бюллетеней, выходивших тиражом в несколько десятков (в лучшем случае сотен) экземпляров, которые в настоящее время представляют собой библиографическую редкость и отсутствуют даже в крупнейших российских библиотеках, а некоторые вообще не публиковались.

Тома серии носят тематический характер, они составлены так, чтобы каждый из них давал представление об одном из конкретных этапов Белого движения или его характерных черт (предполагается, в частности, в ближайшее время выпустить тома: «Первые бои Добровольческой армии», «1-й Кубанский («Ледяной») поход», «Очаги сопротивления большевизму внутри страны (октябрь 1917–1918)», «Возрожденные полки Российской Императорской армии в Гражданской войне», «События 1918 года на Украине», «2-й Кубанский поход и осенне-зимние бои в Ставрополье», «Белая борьба на Востоке России летом – осенью 1918 года», «Великий Сибирский Ледяной поход», «Флот в Белом движении на юге России», «Русская армия на чужбине» и др.). В том случае, если воспоминания тех или иных лиц выходили за рамки данной темы, они делились на части.

Настоящий том посвящен начальному этапу Белого движения на юге России. Именно здесь – на Дону – возник основной очаг противостояния большевизму, и в конце 1917 года была создана Добровольческая армия. Зародышем ее послужила так называемая Алексеевская организация, образованная генералом М.В. Алексеевым еще до большевистского переворота, когда неизбежность последнего стала совершенно очевидной. Эта неизбежность патриотически настроенным руководителям русской армии была ясна еще летом, и те из них, кто после августовских событий 1917-го (выступление генерала Л.Г. Корнилова против Временного правительства) остался на свободе, стремились сделать все от них зависящее, чтобы иметь хоть какую-то точку опоры в борьбе за спасение страны.

Прибыв 7 октября 1917 года в Петроград, Алексеев начал готовить создание организации, в которой были бы объединены офицеры, служившие в запасных частях, военных училищах и просто оказавшиеся в Петрограде, с тем чтобы в нужный момент организовать из них боевые отряды. Он приступил к пуску бездействующих заводов, чтобы под видом рабочих разместить там офицеров. При выступлении большевиков предполагалось предъявить соответствующие требования Временному правительству, а на случай несомненного успеха большевиков существовала договоренность с Донским атаманом А.М. Калединым о перебазировании на Дон. К 25 октября в организации насчитывалось несколько тысяч офицеров, однако только около ста во главе с штабс-капитаном В.Д. Парфеновым произвели ряд нападений на большевиков и были вынуждены распылиться. 30 октября Алексеев отдал приказ о переброске своих людей на Дон и обратился со словесным воззванием ко всем офицерам и юнкерам встать на борьбу. Сам он со своим адъютантом ротмистром Шапроном дю Ларрэ отбыл в Новочеркасск и прибыл туда 2 ноября 1917 года (этот день принято считать началом и Добровольческой армии).

С этого времени в Новочеркасск начали стекаться со всей России добровольцы, главным образом офицеры. Первая группа, прибывшая с генералом Алексеевым 2 ноября 1917 года, была поселена в лазарете номер 2 в доме номер 39 по Барочной улице, представлявшем собой замаскированное общежитие. Этот дом и стал колыбелью Добровольческой армии. 4 ноября

была образована Сводно-офицерская рота. В середине ноября (тогда уже имелось 180 добровольцев) была введена официальная запись в Алексеевскую организацию. Все прибывшие регистрировались в бюро записи, подписывая особые записки, свидетельствующие об их добровольном желании служить и действительные в течение 4 месяцев. Денежного оклада первое время не существовало. Все содержание сначала ограничивалось лишь пайком, затем стали выплачивать небольшие денежные суммы. Добровольцев сначала направляли в штаб (Барочная, 56), где распределяли по частям. Во второй половине ноября Алексеевская организация состояла из трех формирований: Сводно-офицерской роты, Юнкерского батальона и Сводной Михайловско-Константиновской батареи, кроме того, формировалась Георгиевская рота и шла запись в студенческую дружину. В это время офицеры составляли треть организации; до 50 процентов – юнкера и кадеты; учащаяся молодежь – 10 процентов.

Положение организации на Дону было первое время весьма неопределенным, поскольку Донскому атаману генералу А.М. Каледину приходилось считаться с настроениями части казачества, примиренчески относившейся к большевизму. Ситуация изменилась после поднятого большевиками восстания в Ростове и захвата ими города, освободить который донская власть смогла только с помощью добровольческих формирований.

Первый бой произошел 26 ноября у Балабановой рощи, 27—29-го сводный отряд полковника князя И.К. Хованского штурмовал Ростов, и 2 декабря город был очищен от большевиков. По возвращении в Новочеркасск было произведено переформирование. К этому времени численность организации значительно возросла (до 2 тысяч человек). С прибытием 6 декабря в Новочеркасск Л. Г. Корнилова и его сподвижников, освобожденных из тюрьмы в Быхове, Алексеевская организация окончательно превратилась в армию. 24 декабря был объявлен секретный приказ о вступлении в командование ее силами генерала Корнилова, а 27 декабря ее вооруженные силы были официально переименованы в Добровольческую армию. В воззвании (опубликованном в газете 27 декабря) впервые была обнародована ее политическая программа. 27 декабря армия перебазировалась в Ростов.

До выступления в 1-й Кубанский поход армия состояла из ряда соединений, которые почти все были преимущественно офицерскими. Это были: 1-й, 2-й и 3-й Офицерские, Юнкерский и Студенческий батальоны, 3-я и 4-я Офицерские, Ростовская и Таганрогская офицерские, Морская, Георгиевская и Техническая роты, Отряд генерала Черепова, Офицерский отряд полковника Симановского, Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии, 3-я Киевская школа прапорщиков, 1-й кавалерийский дивизион, 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион и Корниловский ударный полк. Отрядом из сводных рот этих частей на таганрогском направлении с 30 декабря 1917 года командовал полковник А.П. Кутепов. Части армии вместе с отрядами донских партизан сражались также на новочеркасском направлении и на южном – под Батайском. Ввиду подавляющего превосходства большевистских сил и в условиях пассивности, проявленной тогда казачеством, руководством Добровольческой армии было принято решение оставить Дон, и 9 февраля 1918 года она выступила из Ростова в свой легендарный 1-й Кубанский («Ледяной») поход на Екатеринодар. Численность ее составляла 3683 бойца и 8 орудий, а с обозом и гражданскими лицами свыше 4 тысяч.

В настоящем издании с максимально возможной полнотой собраны воспоминания участников этих событий. Среди авторов – генералы, офицеры, юнкера, учащаяся молодежь, а также гражданские лица – политические деятели и журналисты. Почти все эти воспоминания (за исключением, в частности, мемуаров генералов А.И. Деникина и А.С. Лукомского) никогда в России не публиковались и неизвестны не только массовому читателю, но и большинству историков, поскольку те малотиражные зарубежные издания, в которых появилось большинство из них, до последнего времени и вовсе были недоступны, так как обычно отсутствовали даже в спецхранах основных советских библиотек. Между тем именно воспоминания рядовых участников событий, содержащие массу деталей и бытовых мелочей, позволяют особенно

наглядно представить обстановку и атмосферу тех дней, психологию и духовный облик первых добровольцев.

Представленные в сборнике воспоминания были написаны в разное время, некоторые – вскоре после окончания Гражданской войны, некоторые – много лет спустя. Их авторы занимали разное служебное положение и находились в описываемое время в разных войсковых частях, поэтому отдельные детали общего хода событий в восприятии тех или иных авторов могут различаться.

Материалы тома сгруппированы по тематическим разделам. В первом из них собраны материалы, представляющие картину развала фронта под воздействием революционной агитации и обстановку, в которой будущими добровольцами принималось решение вступить в формирующуюся на Дону армию. Здесь описываются и обстоятельства трагического и смертельно опасного пути на Дон. Во втором, основном по объему, разделе – воспоминания о формировании армии в Новочеркасске и Ростове, взаимоотношениях добровольцев с донской властью и первых боях Добровольческой армии до начала 1-го Кубанского похода.

Поскольку в Белой армии на юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

В приведенных воспоминаниях сохранен текст оригиналов. Необходимые коррективы вносились только при наличии в первоисточниках очевидных орфографических и редакционных погрешностей.

Раздел 1

На пути на Дон

С. Новиков¹

Конец родного полка²

25 октября 1917 года в Петрограде большевики свергли Временное правительство. Переворот этот произошел почти безболезненно. Бой был только у Зимнего дворца, который защищали в ночь с 25-го на 26 октября Женский батальон и юнкера. Жители города, выйдя 26-го утром на улицы, не знали даже, что власть уже в руках большевиков.

Не то было в Москве. Начавшееся там 27 октября восстание продолжалось неделю (по 4 ноября), в продолжение которой между войсками Временного правительства и большевиками велся ожесточенный, непрерывный бой. Вся Москва обстреливалась тяжелой и легкой артиллерией, по улицам рылись окопы, и не было дома, на котором не осталось бы следа семидневного кровопролития. В этих боях должна была принять участие и наша бригада, на которую Временное правительство возлагало большие надежды.

Двинутая в конце октября 1917 года из района города Старо-Константинов, где она стояла в армейском резерве, бригада наша³ погрузилась на станции Шепетовка. Командовал бригадой полковник князь Эристов⁴ (командир улан Его Величества), уланами Его Величества временно командовал полковник Домонтович 1-й⁵, гродненскими гусарами – полковник Лазарев и 3-й гвардейской конной батареей – полковник Лагодовский⁶ (описание пути следования бригады на Москву и прибытие ее в Гжатск взяты из записок полковника Лагодовского).

О движении бригады на Москву стало известно повсюду, и железнодорожники делали все, чтобы затормозить движение эшелонов. Многие узловые станции, через которые проходил путь бригады, были стоянками запасных батальонов, наиболее распропагандированных и вообще потерявших уже воинский вид. Во избежание нападения таких вооруженных толп на отдельные эшелоны бригада двигалась так, что каждый эшелон шел на хвосту у предыдущего. Таким образом, на всякую станцию приходила почти сразу вся бригада, представляя собой такую внушительную организованную силу, что напасть на нее никто не осмеливался. Но такой способ движения сильно замедлял скорость переброски бригады.

Шла бригада почему-то не по кратчайшему пути, через Киев, а кружным, через Смоленск и Вязьму. Прохождение через эти два пункта было особенно трудным. В Смоленске стояло несколько запасных батальонов, и были получены сведения о том, что бригаду через Смоленск не пропустят. Когда эшелоны бригады уже находились на запасных путях станции Смоленск, вокзал и все кругом кишело серой толпой в солдатских шинелях. На перрон был выставлен караул от Уланского полка и посланы унтер-офицерские патрули от всех частей бригады, улан, гусар и батареи, для наблюдения за порядком. Часть офицеров (по очереди) была отпущена в станционный буфет закусить. В своих воспоминаниях полковник Лагодовский пишет: «В буфет мы шли среди густой толпы солдат запасных батальонов, еле раздававшихся, чтобы дать нам пройти. Честь никто из них не отдавал. Три четверти часа спустя мы возвращались обратно в вагоны: на перроне была почти полная пустота, и лишь виднелись красные погоны наших и уланских и малиновые – гусарских патрульных в полной боевой амуниции. Изредка встречались отдельные фигуры боязливо отдававших нам честь солдат Смоленского гарнизона, менее часа тому назад нагло и вызывающе глазевших на нас, не отдавая чести. Понадобилось меньше

часа времени на то, чтобы в районе вокзала был восстановлен полный порядок и чинопочитание».

Несколько тысяч (как говорили – более десяти) солдат Смоленского гарнизона не решились привести в исполнение свои угрозы и никаких враждебных действий по отношению к нам не предприняли.

Почти то же самое произошло и в Вязьме. Местный гарнизон не хотел пропустить бригаду дальше, но грозный вид эшелонов с пулеметами, выставленными в окна вагонов, воздействовал, и гарнизон не посмел препятствовать дальнейшему движению.

Так бригада благополучно дошла до Гжатска. Здесь она была встречена делегацией от московских эсеров, человек 5–6, в большинстве – студентов, которые устроили митинг с речами в стиле Керенского о завоеваниях революции, свободе, о мире без аннексий и контрибуций, об измене большевиков, о революции в опасности и т. д. Этим они, вероятно, думали раздуть военный пыл бригады для предстоящих уличных боев в Москве.

В разгар митинга слева, со стороны Москвы, показался дымок и к станции подошел паровоз, скрывавшийся под украшавшими его красными флагами.

С паровоза слезли три каких-то человека, и один из них, видимо предводитель, лет 40–45, в форме инженера путей сообщения, отрекомендовался: «Делегация Викжеля» (Всероссийский исполнительный комитет железных дорог). «Прошу слова, товарищи!» – заявил он совершенно охрипшим, очевидно от речей, голосом. «Слово предоставляется товарищу председателю делегации Викжеля», – провозгласил уланский унтер-офицер, председатель бригадного комитета, и охрипший инженер начал свою речь, которую закончил призывом перебить всех офицеров и идти в Москву, где борьба между «реакцией» и революцией уже закончена, для усиления рядов международного пролетариата.

Присутствовавшие на митинге солдаты бригады стояли молча, потупив головы.

Наведенные по телефону и телеграфу справки подтвердили, что бои в Москве закончились победой большевиков. Теперь вопрос уже шел не о подавлении восстания, а о свержении большевиков, захвативших власть. Солдаты нашей бригады, видимо, колебались.

Положение офицеров тоже было затруднительным. Обстановка изменилась, и временно командующий бригадой командир Уланского полка, полковник князь Эристов, не беря на себя ответственности выполнять прежнюю задачу при сложившейся новой обстановке, решил запросить Ставку Верховного Главнокомандующего.

Во избежание всяких недоразумений, подозрений и кривотолков для присутствия во время разговора, происходившего по прямому проводу, с самим Верховным Главнокомандующим, генералом Духониным⁷, в телеграфную комнату станции Гжатск командующим бригадой были приглашены командиры полков, командир 3-й гвардейской конной батареи и председатели комитетов, бригадного, полковых и батарейного.

Верховному Главнокомандующему было доложено, что Викжель отказывается везти бригаду дальше и что в случае, если прежнее приказание остается в силе, бригада должна будет двигаться на Москву походным порядком. Ввиду полученных сведений о прекращении борьбы в Москве и захвата власти большевиками, испрашиваются дальнейшие указания.

С затаенным дыханием смотрели глаза всех присутствовавших на безмолвствовавший аппарат. Проходили минуты, казавшиеся бесконечными. Наконец аппарат застучал.

«У аппарата – генерал Духонин, – медленно читал телеграфный чиновник. – При создавшейся новой обстановке не считаю возможным отдать приказ о выполнении прежней задачи. Прошу вас передать мою благодарность обоим полкам и батарее. Возрожденная Россия не забудет имен тех частей, которые в эти тяжелые минуты разрухи и развала беспрекословно исполнили приказ своего Верховного Главнокомандующего и, несмотря ни на какие трудности и препятствия, прошли с далекого Юго-Западного фронта почти до самой Москвы, оставаясь до конца непоколебимо верными долгу перед родиной и своей присяге. Недаром командование

избрало для этого похода именно вашу бригаду. Оно в ней не ошиблось. Возрожденная Россия не забудет ни вас, ни ваших частей».

Поход на Москву был окончен. Бригада разгрузилась в Гжатске и в первых числах ноября разместилась в окрестных деревнях. Дальнейшее показало, что делать здесь было абсолютно нечего. Когда проезд в Москву стал возможен, из полка уехали полковник князь Эристов – в Грузию, полковник Гершельман⁸ – на Дон. В командование бригадой вступил полковник Домонтович 1-й, уланами командовал полковник Домонтович 2-й⁹. Перед отъездом князю Эристову были устроены офицерами скромные проводы. Хоры песенников и балалаечников сами просили спеть и сыграть в последний раз командиру полка (отмечаю этот случай, так как с начала революции он был единственным). У офицеров, присутствовавших на проводах, на глазах стояли слезы. Не радостное и бодрое чувство навевали теперь чудные песни хора эскадрона Его Величества. Грустно было их слушать. Вспоминался старый славный родной полк...

Остановлюсь в нескольких словах на причинах неудачи движения бригады на Москву с целью подавления там восстания большевиков. Бригада была послана слишком поздно и по длинному, тормозившему движение пути. Кроме того, Временное правительство имело случай еще раз порадоваться своим революционным нововведениям в армии: резолюциям комитетов, переговорам, разговорам, голосованиям и т. д. – все это тогда сыграло в руку большевикам и не дало правительству возможности воспользоваться своими наиболее надежными частями войск. Верховное командование, то есть Ставка, в решительную минуту показало свое безволие и чуть ли не предложило комитетам частей принять дальнейшее решение.

Узнав, что полк в Гжатске, я с нетерпением ждал возможности вырваться из Москвы и вернуться в полк. Царивший в те дни полный хаос и растерянность самих же большевиков позволили мне сразу же выехать из Москвы. Вообще, вначале я ходил по улицам Москвы в погонах и свободно, только каждый раз при выходе из Кремля, где жили мои родители, меня останавливали у кремлевских ворот караульные, угрожавшие мне за ношение погон. Я понял, что долго оставаться в Москве нельзя. И вот, после моего отъезда из полка еще из района Старо-Константинова я снова увидел полк с немногими остававшимися в нем офицерами уже в Гжатске.

Еще в конце сентября 1917 года, когда полк стоял на позиции в районе местечка Гжималув, практиковавшееся в других частях выражение доверия и недоверия солдат к своим офицерам проникло и в наш полк. Доверие и недоверие выражались солдатами официально, через эскадронные и полковые комитеты, как того требовал революционный порядок, – голосованием. Это было введено Керенским, разрешившим, для поддержания якобы спайки, единения и боеспособности частей, удалять из частей офицеров, коим выражено недоверие. Здесь Керенский несколько ошибся: недоверие выражалось, главным образом, только потому, что тот, кому оно выражалось, был настоящим офицером, начальником. Но приказ этот имел все же и свою положительную сторону, так как давал возможность многим офицерам уезжать из полков, покидая таким образом кошмарную обстановку, царившую в них в то время. И вот начался тогда разъезд из полка и наших офицеров. Часть из них уехала по вышеуказанной причине, другие – по болезни и в отпуск. Офицеры-поляки воспользовались тем, что имели право переводиться в свои части.

В это же самое время отношение улан к оставшимся в полку немногим офицерам стало исключительно хорошим. Полковой комитет с председателем своим, унтер-офицером Соболевым, персонально относившимся еще так недавно враждебно и нетерпимо к офицерам, теперь увидел, что большевики окончательно разваливают части, что отсутствие офицеров только ослабляет полк. Начавшееся же в бригаде «украинское» движение заставило вожаков как-то опомниться. Многие офицеры должны были уехать с украинцами и таким образом в полку оставалось не более 5–6 офицеров. Полковой комитет стал выносить ряд резолюций с выраже-

нием полного доверия остающимся и с просьбой не покидать полка, а совместно поддерживать дисциплину.

Но сохранить, после национальных выделений, этот полк, ничем уже не напоминающий, разве лишь красным погоном с синим кантом, былой, когда-то славный л. – гв. Уланский Его Величества полк, вряд ли было возможно. Об этом говорило все, и это видели оставшиеся в полку офицеры во главе с полковником Домонтовичем 2-м, который взял на себя нелегкую задачу покинуть полк последним, дав предварительно всем офицерам возможность под разными предлогами уехать.

Когда бригада стояла в Гжатске, в частях проводился приказ о выборах в Учредительное собрание. В полку уланы, за крайне редкими исключениями, голосовали за противобольшевистские списки.

Тяжела была в те дни жизнь офицеров в полку. Не легко было быть свидетелями гибели своего родного полка, и каждый с нетерпением ждал очереди уехать. Все чаще доходили слухи о восстаниях на юге, о них шли разговоры. Становилось ясно, что в своих частях делать больше нечего. Оставалось только одно: искать для спасения гибнущей России другой путь, на котором могли бы объединиться с оружием в руках одинаково мыслящие патриоты. И для этого каким угодно способом пробраться в южную часть России, где обстановка еще позволяла осмотреться и принять то или иное решение.

Поэтому офицеры полка решили: любым путем, но попасть на юг, где можно было работать для восстановления фронта против немцев и не допустить до заключения позорного мира.

Немалую роль в истории полка во время революции сыграло украинское движение. Еще несколько месяцев тому назад Временное правительство разрешило украинцам формировать свои национальные части. Предполагалось делать это постепенно. В описываемое время, в конце октября и начале ноября 1917 года, украинизация прогрессировала, как и все в революционной стране, и солдат-украинцев это как нельзя больше устраивало. Они, таким образом, попадали к себе домой. А о том, что этим ослаблялся фронт против врага, что эшелонами формирующихся загружались железные дороги, разве задумывались свободные граждане! Большевики, сменившие Временное правительство, вначале не препятствовали, как известно, национальным формированиям. Украинским движением воспользовались и офицеры нашего полка. Половина солдат в полку были украинцами, у гродненцев было приблизительно то же самое. Они решили на полковых «радах» организовать отдельную часть для отправки на Украину. От этих полковых «рад» поехали в начале ноября в Москву делегаты для того, чтобы там переговорить с представителями краевой рады и получить разрешение на выделение, которое и было получено. Из нашей бригады разрешалось сформировать украинскую бригаду из двух полков с батареями. Уланы должны были формировать «Сердючный Запорожский конный полк», гусары – полк «Гетмана Сагайдачного», а 3-я гвардейская конная батарея – батарею имени еще какого-то гетмана.

Солдаты новой бригады просили полковника Домонтовича 1-го принять командование, на что он согласился и приступил к формированию. Кроме того, уланы-украинцы приглашали к себе наших офицеров, что вполне соответствовало желанию последних пробраться на юг. Часть офицеров могла, таким образом, ехать вместе. У полковника Домонтовича 1-го была мысль попасть на Украину как на этап на пути в казачьи области. Там, на Украине, он хотел подробнее разузнать о движении, начавшемся на Дону.

На предложение служить в Запорожском конном полку согласились: ротмистр Стасюлевич, штабс-ротмистр Ковалинский¹⁰, штабс-ротмистр Борзенко, штабс-ротмистр Афанасьев¹¹, поручики Полянский, граф Ферзен¹² и прапорщик Арцимович.

Каждый эскадрон Уланского полка выделял в Запорожский полк 40–50 шашек. Имущество тоже делилось пополам.

Так произошло разделение полка на две части. В конце ноября предполагалась отправка выделенной бригады на Украину.

Одновременно с этими событиями и поляки получили разрешение на выделение из бригады своих солдат в отдельный эскадрон, отправлявшийся в Польшу. Формировать его приехал к нам поляк – ротмистр Масловский. В этот польский эскадрон ушли из полка: его командиром – штабс-ротмистр барон Бистром¹³, поручик Фаневич 2-й и прапорщик Велиовейский¹⁴.

В эскадронных комитетах вызвало большие споры еще одно формирование, происходившее в полку, а именно – отряда особого назначения для охраны посольств и консульств в Персии. На этом формировании стоит остановиться подробнее, так как оно тесно связано с началом существования улан Его Величества в Добровольческой армии.

В конце августа 1917 года, после неудачи Корниловского выступления¹⁵ (28 августа), много офицеров, командированных из частей в Ставку для участия в нем, не могли вернуться обратно в свои полки. От нас ездили в Ставку следующие офицеры: полковник Домонтович 1-й, штабс-ротмистры Алексеев¹⁶, хан Нахичеванский 2-й, Линицкий¹⁷, И. Н. Фермор¹⁸ и поручики Муханов¹⁹ и Головин²⁰. Хан Нахичеванский 2-й был послан генералом Корниловым с письмом к генералу Каледину²¹, каковое и доставил. Для устройства хотя бы части таких офицеров генералом Алексеевым²² было исходатайствовано разрешение Главковерха на формирование вышеназванного отряда. Местом формирования предполагался первоначально город Новочеркасск, но донские казаки отклонили это, и тогда был выбран город Ставрополь. Истинное назначение отряда сводилось к созданию надежной части, без комитетов, которой можно было бы воспользоваться для борьбы с царившей анархией. Близость места формирования к восставшим уже казакам должна была способствовать замыслу.

Предполагалось сформировать дивизион в два эскадрона с пулеметной командой, что и было поручено ротмистру 4-го гусарского Мариупольского полка Л.Д. Яновскому²³, позже, в Добровольческой армии, полковнику, командиру 4-го Кубанского казачьего полка.

Офицеры нашего полка, принимавшие участие в Корниловском выступлении, сразу зачислились в дивизион. Как будет видно ниже, дивизиону так и не суждено было существовать, но печать его, находившаяся у намеченного адъютантом штабс-ротмистра И.Н. Фермора, существовала и многих офицеров выручила. С ее помощью они могли свободно проживать в отпуску, а городские коменданты в творящейся безалаберщине едва ли знали, есть такая часть или нет.

Ротмистр Яновский решил произвести первый набор солдат в дивизион у нас в полку, для чего приехал к нам в конце ноября. Он переговорил предварительно в полковом комитете о цели приезда, так как надо было получить разрешение комитета обойти эскадроны с предложением записываться в дивизион. Яновский указывал главным образом на то, что формирование разрешено революционным Главковерхом, но указ, что служба в дивизионе будет нестись по старому уставу и без комитетов, так как в Персии, то есть за границей, разрешено находиться части только при таких условиях. Это должно было служить фильтром и удерживать нежелательный элемент от поступления в дивизион.

Как ни странно, полковой комитет после долгих прений вынес резолюцию, что препятствовать желающим поступить в дивизион не будет.

Затем ротмистр Яновский обошел все эскадроны и предложил желающим поступить в дивизион. Отношение к этому вопросу в эскадронах было очень различным. Например, во 2-м эскадроне главари кричали, что затевается ловушка, и категорически отказались кого бы то ни было от себя пустить. Другие хотя и пустили, но не дали лошадей и снаряжения; третьи никому ни в чем не препятствовали. Наибольший процент записавшихся дала команда связи, где в дивизион записалась почти половина. Команда вообще сохранилась более других во время

революции, да и в дивизион ехал сам начальник ее, штабс-ротмистр Потоцкий 2-й²⁴, которого солдаты любили. Всего в полку записалось около 40 улан. Таким образом, маленький эшелон Персидского конного дивизиона, состоящий из трех офицеров: штабе-ротмистра Потоцкого, штабс-ротмистра Новикова (то есть меня) и поручика Головина, около 40 улан и 40 лошадей, должен был отправиться из Гжатска, имея маршрут на Могилев – Киев – Ростов-на-Дону, вместе с эшелонами украинской бригады, шедшими тоже на Киев. Общая погрузка и отправка были назначены на 1 декабря.

При погрузке произошло несколько недоразумений. Вообще, на погрузку, да и на самое формирование дивизиона бумаг никаких не было (или же были самые неофициальные), почему железнодорожники не хотели давать вагонов и запрашивали Москву. Там, конечно, тоже ничего не знали. Нам помог, как и не раз впоследствии, творившийся повсюду хаос. Удалось убедить железнодорожное начальство в правильности и даже срочности нашей отправки. Дивизиону предоставили пять вагонов. Но когда все погрузились и наши пять вагонов стали прицеплять к эшелону украинцев, 5-му и 6-му эскадронам Запорожского полка, те наотрез отказались разрешить присоединить нас к ним, говоря: неизвестно, мол, что это за дивизион, и, может быть, они, то есть украинцы, будут невольно способствовать перевозке контрреволюционных частей на свою же голову и что из-за дивизиона задержат в пути и их. После долгих увещаний удалось убедить украинцев в том, что не их это дело и вина, кого к ним присоединяют на железной дороге. Случай этот ясно показывает политическое настроение выделенных из полка улан-украинцев.

1 декабря, под вечер, бывшие солдаты л. – гв. Уланского Его Величества полка, а теперь – украинцы, поляки и зачатки Персидского дивизиона покинули Гжатск и свой старый родной полк. В Гжатске с полком остались: командующий полком полковник Домонтович 2-й, штабс-ротмистр Молоствов²⁵, штабс-ротмистр Салтыков, корнет Силин, прапорщик князь Меликов²⁶ и прапорщик Трейдон, произведенный во время революции из вахмистров. Нелегко им было оставаться, видя, как все разъезжаются, хотя большевизм в эти дни в полк еще не проник. Видно это было из следующего: в Гжатске в это время стояли пехотные армейские части, полностью уже большевизированные. Комитеты этих частей предложили нашему полку снять погоны, что сами они давно уже сделали. Наш полковой комитет ответил: если им нравится не носить погон, пускай снимают, полк же погон не снимет, и, во избежание возможных крупных недоразумений, с подобными требованиями чтобы впредь не обращались.

Орша, вторая большая станция от Гжатска, на пути следования покинувших полк эшелонов и была «камнем преткновения». Здесь закончила свое недолгое существование украинская бригада, и ту же участь рисковали разделить и польский эскадрон и Персидский дивизион. Но судьба, а вернее, опять все тот же хаос оказался еще раз верным нашим пособником.

При подходе наших эшелонов к станции Орша начальники их, как всегда, пошли узнать у коменданта, скоро ли будет дальнейшая отправка. Коменданта на станции не оказалось, он пошел в город усмирять пьяную чернь, разбившую цистерны со спиртом и перепившуюся, а также чтобы выпустить еще оставшийся спирт. Подождали его прихода с час. Наконец появился революционный комендант – молодой солдат-большевик в расстегнутой шинели без погон, в фуражке на затылок, сильно навеселе. Видимо, спирт был выпущен удачно. Первыми обратились к нему за справками украинцы. Комендант удивил их ответом: «Украинцев? Пропустить дальше? Никуда не пушу. Здесь будете разгружаться. На то есть у меня приказ Главковерха Крыленко!» Полковые «рады» в волнении начали по прямому проводу запрашивать Могилев, Ставку. Оттуда такой же ответ: украинские эшелоны на юг не пропускать!

Мы, офицеры Персидского дивизиона, думая, что украинцам удастся все же после переговоров со Ставкой двинуться дальше, решили о себе лучше не напоминать, а проскочить незаметно; едва ли кто-либо стал бы проверять состав эшелонов. Но когда украинцы получили

отрицательный ответ, и к тому же в категорической форме, нам пришлось напомнить о себе, приняв противоположную тактику. Штабс-ротмистр Потоцкий обратился к тому же коменданту в наивном тоне: когда же отправят нас, пять вагонов Персидского дивизиона, случайно прицепленных в Гжатске к украинскому эшелону?

«А это еще что такое? Насчет вас у меня никаких указаний из Ставки нет, а без ее решения тоже не пропущу!» – ответил подвыпивший комендант. Он был прав. Относительно нас едва ли где-нибудь было известно. Но нам было необходимо приложить все старания уговорить пропустить дивизион именно коменданта, так как на получение разрешения из Ставки рассчитывать не было никакой возможности. Вряд ли Крыленко пропустит какую-то подзрительную часть в область, кипевшую восстанием. Задачу убедить коменданта взял на себя штабс-ротмистр Потоцкий. Он подметил, что тот благодаря винным парам был в веселом и даже расположенном к нам настроении, и со свойственным ему юмором стал играть на его психологии. Потоцкий уверял коменданта, что раз тот поставлен на такой ответственный пост, следовательно, он пользуется революционным доверием и полновластен сам разрешить данный вопрос. Хотя пьяному солдату это и льстило и он, хлопая себя в грудь, кричал, что он все может сделать, однако отправить эшелон побоялся и только разрешил Потоцкому лично переговорить по прямому проводу со Ставкой. Делать было нечего. Пришлось стать к аппарату и вызвать Могилев. Эти переговоры со Ставкой прекрасно характеризуют те дни: занятие Главковерха сводилось тогда главным образом к тому, чтобы пропустить или задержать такой-то эшелон, даже, как в нашем случае, из двух-трех десятков людей, и разоружить или нет какую-либо часть.

Разговор по прямому проводу был таков: «У аппарата – начальник эшелона формирующегося конного дивизиона для охраны посольств и консульств в Персии, прошу разрешения на пропуск, без коего комендант станции Орша не пропускает». – «У аппарата такой-то. Сейчас передам Главковерху». «Главковерх спрашивает, что это за дивизион и кем разрешено его формирование?» – «Дивизион идет для несения службы в Персии, а формирование разрешено революционным Главковерхом».

На благоприятный ответ мы почти что не рассчитывали и, наоборот, ждали, что нас арестуют или в лучшем случае мы разделим участь украинцев. Понятно поэтому, в каком волнении стояли мы в ожидании у аппарата, когда он снова застучит. Наконец телеграфист прочел ленту: «Главковерх знает и пропустить разрешает. Сколько офицеров и солдат?» Видимо, малочисленность нашего состава окончательно его успокоила. Едва ли «товарищ» Крыленко знал что-либо о нашем дивизионе. Ему просто хотелось, видимо, показать, что он в курсе всех дел, а в особенности дел своего предшественника. Так или иначе, разрешение было получено, и мы облегченно вздохнули. Пропустили то, что большевистский Главковерх никак не должен был пропускать. Нам оставалось скорее вырваться из Орши. Теперь, когда вспоминаешь о всех этих разговорах с комендантом и с Крыленко, находишь их достойными страниц юмористического журнала, тогда же это были жуткие минуты...

Получив разрешение, мы не могли не напомнить полковой украинской «раде», отказывавшейся в Гжатске прицепить дивизион: из-за вас, мол, контрреволюционеров, нас задержат в пути!

Польский эскадрон получил пропуск без затруднений. Полякам большевики в те дни ни в чем не препятствовали. Нам это было выгодно: до Могилева с польским эскадром нам было по пути, и, соединившись вместе, мы могли составить один эшелон. Пять вагонов дивизиона сцепили с польскими и дали паровоз. Железнодорожные маневры заняли ночь и часть следующего дня. Ночью из Гжатска подошел второй эшелон украинцев со штабом бригады, во главе с полковником Домонтовичем 1-м. Мы тотчас же поставили его в курс событий. Все досадовали на задержку в Орше, и приходилось опасаться, вообще, и за дальнейшую судьбу украинской бригады. Полковник Домонтович решил подождать сосредоточение здесь всех украин-

ских эшелонов и затем пробиваться дальше силой. Это казалось вполне возможным, тем более что в районе Орши стояли донские части, которых большевики тоже не пропускали на Дон, чем казаки немало возмущались, и можно было рассчитывать на их содействие.

Но командный состав, который хотел принять эти решительные меры, в те времена ничего собой не представлял, и все командование находилось, в сущности, в руках самих солдат и комитетов. Так было у донцов и у украинцев. Смело можно сказать: все были разложены и развращены революцией наравне с русскими частями. У солдат вступать в бой не было ни малейшего желания. Украинцам хотелось уладить вопрос разговорами и переговорами, к тому же настроение у них было ввиду происшедшего очень подавленное.

На утро следующего дня в вагонах появились делегаты от местного большевистского гарнизона, два-три солдата и один, может быть, офицер военного времени. Держались и говорили они очень сдержанно, и не шел к их лицам тот скорее заискивающий тон, с которым они обращались к украинцам. В последних, видимо, сквозила еще старая уланская школа, которая и смущала делегатов. Возможно, что им было приказано только произвести разведку и узнать о дальнейших намерениях бригады. На их предложение снять погоны украинцы отвечали, что погон не снимут, так как их, украинцев, большевистские приказы не касаются. Говорили они также, что если эшелоны не пропустят, то они пробьются силой.

Отправка нашего польско-персидского эшелона состоялась под вечер того же дня. До этого времени перемен никаких не было. Мы попрощались с остающимися в Орше однополчанами. Они говорили нам, что приложат все старания, чтобы тоже попасть на Дон. Эшелон наш двинулся на Могилев. Не думали мы тогда, что не увидимся уже с полковником Домонтовичем 1-м, который был расстрелян в Киеве 27 февраля 1918 года. Расстрелянный вместе с ним штабс-ротмистр Борзенко, получивший несколько ранений револьверными пулями, чудом был спасен.

На следующий день после нашего отъезда из Орши на рассвете были обнаружены залегшие по обеим сторонам железнодорожного полотна, где стояли эшелоны украинцев, сильные большевистские цепи с пулеметами. Большевики потребовали сдать все оружие и конский состав. Так украинцы были обезоружены, имущество было отобрано, и все они, без погон, были отпущены на все четыре стороны, полковник Домонтович 1-й с офицерами проехал в Киев, перед отъездом назначив солдатам там же сборный пункт, куда они должны были пробираться одиночным порядком. Из плана этого ничего не вышло, в январе 1918 года Киев был занят большевиками, да и солдаты предпочли разойтись по домам, а некоторые из украинцев вернулись даже в Гжатск. Каким-то чудом удалось проскочить на окраину только одному эшелону Запорожского полка под командой штабс-ротмистра Афанасьева, вышедшему из Гжатска за сутки до начала общего движения.

Наш польско-персидский эшелон дошел до Могилева благополучно. Здесь все эшелоны задерживались и пропуск давала сама Ставка. Начальника нашего эшелона вызвал к себе сам «товарищ» Крыленко. Пошел к нему командующий польским эскадроном штабс-ротмистр барон Бистром. О нашем присутствии здесь, в большевистском гнезде, мы решили не упоминать. Один раз удалось, в другой – мы неминуемо попались бы. Оставалось только проскочить с поляками. С большим нетерпением ждали мы возвращения барона Бистрома от «главковерха». Придя в нашу теплушку, Бистром рассказал нам про свое свидание с Крыленко. Знаменитый «главковерх» жил не в городе, а в великолепном штабном поезде. Пребывание в нем было, видимо, безопаснее. Охранялся поезд сильным конвоем, у дверей вагона, где находилась сама особа Крыленко, стояли парные часовые. Бистрома он принял сам. Прежде, чем начать разговор, он на него долго, пронизывающе смотрел, желая, по-видимому, произвести большее впечатление. Затем, отчеканивая каждое слово, проговорил: «Вы идете с поляками к себе, национализуетесь. Так, так, хорошо... Что же, поезжайте!» Это было сказано таким тоном, который говорил: что, мол, удираете от большевиков? Ну, пока что мы вам не мешаем,

а там посмотрим! В этих словах заключалась как будто угроза уже всей Польше. Крыленко, по всей вероятности, только для того и вызывал Бистрома, чтобы попугать его и поиздеваться над ним.

Так проскочили мы Могилев. С поляками нам было по пути до станции Гомель, где мы и расстались с бароном Бистромом и его эскадроном. Дальнейший путь нашего дивизиона был еще очень длинен, а продвижение стало еще более тяжелым, так как ползли мы как черепахи. На станциях приходилось ждать «оказий» быть прицепленными к попутным эшелонам. Маршрут дивизиона был Киев – Ростов-на-Дону. Одно было легче – что проскочили такие пункты, как Орша и Могилев. Но радоваться, как оказалось, было еще преждевременно. Уже в Киеве ходили слухи о том, что в районе Александровска идут бои между большевиками и казаками и путь там разобран. На всех почти станциях за Белой Церковью мы советовались с их начальниками о дальнейшем нашем движении. То одна, то другая узловое станции на пути к Войску Донскому переходили из рук в руки, с чем нам и приходилось сообразовывать наш маршрут.

Дивизион постоянно прицепляли к эшелонам донцов, ехавших на родину, и это значительно облегчало наше продвижение. Нам говорили, что в Александровске мы неминуемо попадем в бой. Казаки эшелона, к которому мы были прицеплены, решили, как и мы, пробиться хоть силой. Опасения, однако, оказались напрасными. Действительно, за несколько часов до нашего проезда большевики наступали на Александровск и громили станцию артиллерией. Но какие-то донские части отстояли ее. Каждую минуту ждали мы, что наступление возобновится. Но проскочили благополучно и Александровск. Нужно заметить, что у фронтовых казаков, с чьими эшелонами мы сталкивались в пути, настроение было совсем не воинственное, им хотелось поскорей попасть на Дон и разойтись по станицам. В указанных же выше столкновениях с большевиками принимали главным образом участие казаки, посланные с Дона.

С кем нам приходилось выдерживать целые бои в пути, так это с осаждавшими вагоны «товарищами». На каждой станции их была уйма, все – дезертиры с фронта. Они представляли собой немалую опасность, так как все были вооружены и, попадая в вагоны, могли нарушить наш план довести состав дивизиона на Дон. Дезертиры эти выработали на практике свои революционные способы передвижения по железным дорогам: частные лица и офицеры просто выгонялись ими из вагонов, а места их занимались «товарищами». И это было не только в дни большевизма. Такой способ добывания плацкарт получил законность с первых же дней революции. На одной из станций в наш вагон 3-го класса намеревалась хлынуть такая толпа. Мы кричали в окна, что это воинский эшелон и все переполнено, но вразумить толпу, конечно, ничто не могло. Сейчас же слышались голоса: «Да что там разговаривать, товарищи! Наваливай, мы им покажем!» Толпа солдат кинулась к дверям вагона, предусмотрительно закрытым на замок. Раздались удары кулаков и прикладов. Мы стали у дверей, вынули револьверы и приказали уланам зарядить винтовки. «Товарищи» кричали: «Ломай двери!» По нашему адресу раздавались угрозы. Через окна мы грозили ломившимся в двери солдатам открыть по ним стрельбу. Такое энергичное отстаивание вагона подействовало, и толпа замялась. В этот момент поезд тронулся. Ворвись толпа в вагон, с нами было бы то же, что было с сотнями офицеров в таких случаях.

Наконец, 16 декабря 1917 года часть Персидского конного дивизиона благополучно добралась до Ростова-на-Дону пробыв в пути семнадцать суток. Здесь на станции мы сразу увидели, что слухи, ходившие еще в Москве, о каких-то офицерских и юнкерских организациях на Дону, оказались действительностью. Все воинские чины носили погоны, отдавали честь. На станции – полный порядок, поддерживаемый патрулями. Поговорив с встреченными офицерами, мы узнали, что в Новочеркасске генералом Алексеевым формируется Добровольческая армия. Уже был сильный бой с большевиками под Нахичеванью, и большевики были разбиты. На душе сразу стало как-то легче.

Как было уже сказано выше, в дивизион записалось около 40 улан. В дороге несколько человек отпросилось в отпуск, с тем чтобы потом нагнать эшелон. Должно быть, только с целью попасть домой они и записались в дивизион, так как никто из них эшелона, конечно, так и не догнал. Осталось у нас человек около 30. Что же они собой представляли? Наиболее надежными были уланы команды связи и наши вестовые.

В районе формирования Добровольческой армии должны были находиться из наших офицеров: полковник Гершельман, штабс-ротмистр Алексеев и поручик Фермор²⁷, уехавшие на Дон еще в ноябре, чтобы подробнее ориентироваться и решить нашу судьбу. Мы пошли в город их разыскивать. Полковника Гершельмана нашли в одном из штабов, штабс-ротмистр Алексеев и А. Фермор находились в Новочеркасске, где А. Фермор набирал добровольцев в формировавшийся полковником В.С. Гершельманом кавалерийский дивизион. Он очень обрадовался нашему прибытию: состав Персидского дивизиона сразу давал существенное пополнение и начало кавалерийскому дивизиону Добровольческой армии. У нас был и офицерский состав, и люди, и лошади, и оружие в количестве, достаточном, чтобы назваться эскадром. К тому же Ставрополь, где предполагалось формирование отряда особого назначения, был занят большевиками. Переговорив с В.С. Гершельманом, мы решили выгрузиться в Ростове и положить начало кавалерийскому дивизиону, войдя в него уланским эскадром старого полка. Офицеров-улан набиралось немало: полковник Гершельман, штабс-ротмистр С. Потоцкий, штабс-ротмистр Алексеев, штабс-ротмистр Новиков, поручик Головин, поручик А. Фермор и приехавший вскоре корнет Мейер²⁸.

Дивизион выгрузился и разместился в Таганрогских казармах. Через несколько дней приехал из Новочеркасска поручик Фермор с добровольцами, преимущественно юнкерами и вольноопределяющимися. Теперь было кому передать лошадей. Объяснив уланам назначение Добровольческой армии, мы предложили желающим остаться служить в ней. Осталось трое, а остальным мы, как и обещали, выдали увольнительные билеты.

Добровольцы дивизиона были вооружены и посажены на лошадей. Из казарм Таганрогского полка перешли в отведенный для

1-го кавалерийского дивизиона полковника Гершельмана Проскуровский госпиталь № 10. Так, 31 декабря 1917 года был сформирован

2-й эскадрон 1-го кавалерийского дивизиона, в котором на офицерских должностях были уланы Его Величества.

В оставшемся в Гжатске после всех национальных выделений уланском полку комитеты решили выждать дальнейших событий. Эта нерешительность комитетов находила в их глазах оправдание в предстоящем в ближайшее время созыве Учредительного собрания, которое, мол, все разберет, кто прав, кто виноват, и все успокоит без всякой борьбы. Захвата власти большевиками не признавали. Держали в страхе большевистски настроенный местный гарнизон и неоднократно заступались за офицеров этого гарнизона, подвергавшихся грубостям солдат.

Полковой комитет просил командующего полком полковника Домонтовича 2-го достать в Кречевитских казармах эвакуированные из Варшавы парадные формы полка. По получении этих форм песенники и трубачи выступали в старом парадном обмундировании в городском саду Гжатска и имели большой успех. Это была последняя красивая страница в жизни полка.

Красный главнокомандующий Москвы прислал приказание бригаде перейти в район Курска для реквизиции хлеба. Комитеты очень резко ответили, что никаких Мураловых не признают, повиновались Духонину, а после его убийства, ввиду отсутствия впредь до созыва Учредительного собрания какой-либо законной власти, считают себя в своих действиях самостоятельными. Эмиссары от комитета были в Москве. Вернувшись, они предупредили, что Муралов, узнав о решении бригадного комитета, заявил, что поступит с бригадой как «нож с картошкой», и грозил прислать из Москвы красные эшелоны. В Гжатске были приняты меры

охранения и отданы распоряжения на случай боя. Но угроза Муралова осталась лишь на словах.

После разгона большевиками Учредительного собрания бригадный комитет решил, ввиду невозможности принести какую-либо пользу для восстановления порядка, ликвидировать существование остатков бригады. Была назначена ликвидационная комиссия в составе командиров эскадронов и членов комитетов. Решили разъехаться по домам обозами, часть лошадей роздали крестьянам, артиллеристы спрятали орудия в погребах Гжатска и замуровали их. Оставшимся офицерам были выданы документы, благодаря которым они смогли уехать. Полковник Домонтович 2-й, ротмистр Молоствов и поручик Головин²⁹ пробрались в армию адмирала Колчака.

Так закончил свое столетнее (после разделения на два полка) существование (7 декабря 1817 года – декабрь 1917 года) родной мне по трем поколениям л. – гв. Уланский Его Величества полк.

А. Поливанов³⁰

Из моего дневника

Последние дни лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка³¹

23 марта 1917 года. Хочу сказать, что происходило в полку за эти 10 дней. Получены приказы о сформировании полковых комитетов офицерских и солдатских депутатов. В состав их вошли: Апухтин, Олив, Каменский, класный фельдшер Вальковский и по 2 улана от эскадронов и команд. Председателем избран унтер-офицер 6-го эскадрона из охотников Нехорошев, по профессии помощник присяжного поверенного из Москвы. Состав комитета прекрасный, и к чести улан надо сказать, они действительно выбрали лучших людей, умных и с весом. На первое заседание еще только солдатского комитета пришли Миклашевский³² (командир полка), полковники князь Андроников³³ и Крапоткин³⁴ и я (еще полковой адъютант). Командир приветствовал их с началом их деятельности, высказав уверенность, что они приложат все силы, чтобы полковая жизнь обошлась без всяких трений, всегда возможных при такой огромной перемене. Председатель задал несколько вопросов по поводу организации, и Миклашевский ушел. Тогда Андроников сказал слово, произведшее большее впечатление. Он говорил о сознательной дисциплине, приведя в пример батарею конной артиллерии, на красном знамени которой было написано «Да здравствует железная дисциплина», а орудия были в таком беспорядке, что наши люди это заметили. Мы ушли, а вечером уже было соединенное заседание, и Апухтин говорил речь. Нехорошев отвечал. Наши в полном восторге, говорят, что настроение прекрасное и что на наших офицерских собраниях не бывает такого порядка. Настроение улан, служба и дисциплина прежде всего. Результатом являются два воззвания, одно особенно интересное, направленное против тех, кто распускает панические слухи. С такими решено бороться, до крайних мер включительно. Могу сказать, что в полку сейчас не меньше порядка, чем раньше. Лишь с тревогой думается, что наш полк или несколько полков это капля в море среди 10-миллионной армии, а оттуда, из серых недр, идут сведения неутешительные. Говорят, что в Особой армии дезертировало 30 процентов, а на севере еще больше. В частности, у меня трубачи выработали по моему предложению правила игры по частным вызовам. Все почти осталось по-старому, лишь есть новые пункты, как нежелание, чтобы офицеры дирижировали, отмена покашливаний, обходов. Эти правила Миклашевский показал на собрании полковых командиров, и все просили их прислать.

Был у нас парад хана Нахичеванского³⁵. Он поздравил нас с принятием присяги и говорил специально с выборными комитетами, разъясняя их задачи. Как ни странно, хан отлично говорил, его слова должны были понравиться людям и быть ими понятыми. Так что в полку все идет хорошо, и, будем надеяться, ничто, даст Бог, не нарушит установившегося порядка.

27 марта. Идут все новые реформы в армии. Официальным приказом уничтожено отдавание чести, становясь во фронт, но это, можно сказать, не имело особого значения, может, даже было излишне. Но вот появился слух, что комиссия А.А. Поливанова³⁶ постановила вообще отменить обязательное отдавание чести. Это уже слишком. Отдание чести было взаимным приветствием и одинаково тягчало и офицеров и солдат. Однако никогда и никто на это не жаловался. Вот почему я и написал домой письмо, прося передать Ал. Андр., что это решение вызывает общее недоумение и неудовольствие. Наши уланы постановили отдавать честь на прежних основаниях. Кроме того, если Военное министерство стало на путь уничтожения воинского духа и дисциплины, то пусть разрешат ношение штатского платья вне службы, таким образом

они будут последовательны. Сразу видно, что во главе министерства стоит штатский человек, который больше прислушивается к голосу совета солдатских депутатов, состоящего из ополченцев, или не бывших на войне, или вообще всякого сброда, чем к голосу строевых солдат.

Сегодня уехала в Петроград депутация в составе Апухтина, улан Тришкина и Григорчука, чтобы приветствовать правительство и совет депутатов. В обращении Апухтина есть фраза с пожеланием больше прислушиваться к голосу офицеров и солдат действующей армии, а не тех, кто избрал своим конем стул, а местопребыванием, вместо окопов, тыл. Очень хорошо приветствовала Правительство Особая армия, заявив, что поддержит его от опасности, откуда бы она ни появилась, – понимай как знаешь!

9 апреля. Вернулся сегодня после трех дней, проведенных в Киеве. На железных дорогах творится фееричный беспорядок. В Шепетовке видел Валерьяна Бибикова³⁷ с эскадронам кавалергардов, водворяют порядок. По его словам, за эти дни было задержано свыше 1500 дезертиров... Это – свободная армия! Наш полк уже ушел, все еще на месте, и невольно вспоминается классическое выражение «быть готовыми, но не седлать», когда такое положение длилось неделями.

12 апреля. Около 6 часов утра пришли в Рожище. Выгрузились и пошли пешком, так как коноводы остались за 200 верст. Дорога легкая. Остановились в Козинской Рудке и будем сменять туркестанцев лишь в ночь с 15-го на 16-е, они будто не хотят сменяться.

14 апреля. Все оказалось ложным, и туркестанцы отлично сменились. У них было брожение, но больше оттого, что их перебрасывают к Бродам, где ожидаются большие бои, и им не хотелось покидать спокойный участок. Двинулись мы в 16 часов, в Тихотине был большой привал с ужином, в 22 часа смена была закончена.

9 мая. На нашем участке полная тишина, иногда постреляет артиллерия. Как-то немцы подошли, но 3-й эскадрон быстро их отогнал. Мы тоже делаем разведки. В полку порядок.

16 июня. Больше месяца не брался за перо, был в отпуску и лишь сегодня вернулся в полк. Нашел его все на том же месте, на берегу Стохода, в колонии Переходы. Так как я первый кандидат на эскадрон, то командир разрешил мне сдать должность Каменскому и вернуться в родной 6-й. Вечером как раз была смена, и я пришел после нее. Старые мои друзья, с которыми я еще прослужил три года мирных и первый год войны, радостно встретили меня и пригласили пить чай. Не знаю, как себя чувствуют другие офицеры в солдатской среде, но, проведя сегодня в беседе ночь, скажу, что было так хорошо, как два года тому назад. Разница в характере беседы – это верно. Но если весь полк таков, как наш 6-й, то, слава Богу, это – полк, это воинская часть.

24 июня. Принял от Кушелева³⁸ пулеметную команду. Состав ее – петроградские рабочие почти целиком. Председатель комитета – оружейный мастер Жеребиленко. Взял решительный тон: я – командир, а потом – руководитель, а Кушелев просто исполнитель решений комитета.

Мне удалось сразу крепко взять их в руки.

14 июля. Мы уже собирались провести спокойную ночь, как ровно в 23 часа они открыли ураганный огонь по всем нашим окопам. Впечатление было потрясающее. Первое – что давно полк не был под таким огнем, второе – абсолютно темная ночь. Огнем были перебиты телефонные провода, остался лишь один, в 1-й эскадрон Каульбарса³⁹. Вскоре началась ружейная и пулеметная стрельба, и цепи противника начали наступать на наш центр. Командир ушел в окопы, а я, обойдя всех, остался с первым взводом (молочина старший унтер-офицер Куницын), который больше всех работал. Немцы залегли у проволоки, и наша артиллерия открыла заградительный огонь. Из окопов стрельба стала реже, противник стал менее видим, но оказалась недостача патронов, вскоре их доставили, и все стихло. Были высланы секреты. Находясь все время в окопе, я мог наблюдать присутствие духа наших офицеров и улан. Все были на своих местах, и радостно бросалось в глаза полное спокойствие. Сегодняшняя ночь была чрезвычайно полезна. Она напомнила нам о войне, сейчас возможный бой будет встречен, как

и раньше. Она нам показала, что наш полк – воинская часть, крепок уланский дух и мы им держимся. От моих пулеметчиков я в полном восторге, действительно – молодцы. Надо еще упомянуть, что были слышны разговоры про

3-й взвод 6-го эскадрона (гнездо большевиков), что, если они не выйдут, их штыками выгонят. Надо думать, что немцы открыли этот бешеный огонь в надежде, что наши удерут и они захватят пленных. Это им не удалось, уланы оказались по-прежнему стойкими и достойными своих предков.

15 июля. Неожиданно нас сменили части стрелкового полка 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. Мы пешком прошли до штаба корпуса в деревне Пожарки, куда были поданы коноводы, и отсюда – переход в 25 верст. Дома, в Омельно, к 22 часам.

25 июля. На одном из собраний меня выбрали вместо Андроникова членом полкового комитета. На днях я принимал участие в закрытом заседании, где разбирался вопрос о взаимоотношениях офицеров и солдат. Были я и Каменский. С полной откровенностью вели мы беседу и доказывали им черным по белому, как велика заслуга офицеров, которые лишь из любви к Родине не бросили своего поста. Какие оскорбления пришлось им переносить, играя самую ничтожную роль. Я напомнил им случай в окопах и подозрение в шпионстве и что чаша терпения может переполниться. Мое мнение, что в нашем комитете люди работоспособные и можно наладить дело. Так, сегодня постановили, чтобы не обострять отношений, не выносить резолюции. Думаю, что этим мы получили отсрочку для проникновения в нашу среду нежелательных элементов. Очень интересно было слышать мнения солдат; председатель, взводный из запаса 3-го эскадрона, весьма толковый, поразил меня своею наблюдательностью.

30 июля. Выступили сегодня из Омельно и сделали большой переход в 40 верст. На ночлег стали в деревне Копче (рядом с Ботиным, где долго стояли прошлой осенью). Идем в местечко Ямполь, на юге Волынской губернии, тыл 11-й армии. Цель неизвестна.

3 августа. Сделали еще два перехода в среднем по 25 верст и расположились вблизи города Дубно. Проходили через старые зимние позиции австрийцев – чего только не наворочено: глубочайшие окопы, бесконечная проволока, волчьи ямы, бетонные пулеметные гнезда – и все это до сих пор в полном порядке. Напротив наши окопы почти сравнены с землей, вот и думается, что это обычная русская халатность, граничащая с преступлением, или оно налицо. Чрезвычайно трудно кормить лошадей, за большие деньги ничего не достать, раньше хотя приказов боялись, а теперь – свободные граждане и слышать ничего не хотят.

7 августа. Шли еще 4, 5, 6-го и сегодня, в среднем по 25–30 верст. Местность, по которой мы проходили, называется Волынской Швейцарией; она очень гориста и красива, даже напоминает Крым. Одно замечу, что моей пулеметной команде приходится туго, но не отстаем. Держусь правила: пулеметная команда должна всегда быть с полком. Вот и стали сегодня окончательно в деревне Миклаши. Очень плохо. Все лошади полка не под крышей, а в команде лишь мои, Катавасия и Картинка, в привилегированном положении, в сарае. С фуражом отвратительно, не знаем, как будет дальше. Здесь глубокий тыл 11-й армии, впереди все забито конницей и пехотой. Для чего нас сюда привели, Аллах ведает. Здесь стоит отряд бывшего синего кирасира Плешкова⁴⁰. Он собрал отдельные роты всяких ударных батальонов, всего около 8000 человек, привел их в порядок, завел потрясающую дисциплину, основанную на доверии. Приехал комиссар фронта Гобечия, сначала пришел в восторг, затем нашел, что контрреволюционно, и приказал распустить. Узнаю тебя, новая власть, все заботятся о спасении революции, никто о России...

21 августа. Последние дни полк очень волнуется по вопросу о демократизации офицерского состава. Солдаты хотят, чтобы немедленно был проведен в жизнь приказ о производстве в офицеры достойных унтер-офицеров. Это, может быть, и правильно, но очень жаль, что полковой комитет, поддавшись в этом вопросе всецело влиянию некоторых зловердных лиц, вроде Нехорошева и Бубенского (оба – охотники, адвокаты), по-моему, преследующих свои личные

цели, занял враждебную позицию. Этот вопрос, поднятый еще в Омельно и тогда нами притушенный, сейчас разгорелся вовсю. Комитет составил резолюцию, принятую его солдатским составом, где весьма много говорится о заслугах комитета по сохранению боевого и революционного духа полка, а равно много возмутительных нападок на офицеров, иносказательно выражение им недоверия и обвинения в контрреволюционности. Последняя часть содержит вопрос «скоро ли будет демократизация офицерского состава?» – и если нет, то комитет снимает с себя ответственность за могущее произойти в полку. Ясно, что на это дерзкое постановление мы дали резкий ответ. Сначала ответив по существу, что офицеры всегда стоят на почве законного основания, мы всегда будем рассматривать всякого представляемого по совести, не считаясь с его происхождением. Затем мы дали ответ на обвинение и в резкой форме указали на превышение власти комитета и на всю его неосновательность. Кончили мы заявлением, что всякое требование, подкрепленное угрозой, может служить лишь предметом судебного разбирательства. Было чрезвычайно бурное заседание, Андроников так разобрал оба постановления, что на них никто не смог сразу ответить. Вообще, солдаты все время молчали, говорили лишь эти два помощника присяжных поверенных. Речи их были чисто митинговые, и дешевыми остроумиями они пытались срывать аплодисменты. Закончили еще сравнительно хорошо, поговорили, поговорили и разошлись. Сейчас же эти оба постановления начали разбираться в эскадронах и командах. Интересно, какой будет ответ. Во всяком случае, хорошо, что мы взяли твердый тон, а то они начали наглеть. Будем ждать дальнейшего развития отношений, но во всяком случае, ясно одно, что это результат той колоссальной агитации, которая ведется на немецкие деньги в коннице и артиллерии. Эти два рода войск еще не потеряли окончательно свой воинский дух и могут быть опасны немцам, вот и надо их разрушить. Этот взгляд я высказал в своей команде пулеметчиков. Я уверен, что в общей массе наши уланы не могут иметь зла на своих офицеров, не за что, а посему это лишь влияние кучки агитаторов. Сами мы виноваты, что своевременно не спланировали этих двух адвокатов. Надеемся, что все обойдется благополучно, а угроз не боимся, недаром три года воюем.

6 сентября. Совершенно случайно удалось проехать на три дня в Севастополь и Ялту. Сейчас хочу записать мои впечатления от этой поездки в тыл. По-моему, начинает проглядывать порядок, хотя поезда переполнены до чрезвычайности, но в 1-й класс солдаты уже не лезут в купе. Приглядывался к администрации, все то же возмутительное отношение. Спрашивают по многу раз билеты и документы у офицеров и штатских, то есть у тех, кто на 99 процентов их имеют, молча обходят солдат, которые на 100 процентов таковых не имеют. Мое пребывание в Ялте совпало с попыткой Корнилова установить диктатуру и вернуть армии ее дисциплину и мощь. В Ялте впечатление было – проблеск надежды, но в общем всякий сидел в своей скорлупке и выжидал. Были бесконечные и самые невероятные слухи. Местный совдеп написал в газетах, что все меры приняты и... арестовал домашним арестом Великих Князей и их свиту в их имениях. Дорбгой – много разговоров и среди офицеров полное сочувствие Корнилову в его стремлении восстановить армию и победить немцев. О контрреволюции не было разговоров, но в общем среди интеллигентного класса мнение – рано начал, еще не достаточно намучились! В Ялте жизнь кипит как ни в чем не бывало, в Черноморском флоте, по рассказам офицеров, положение как у нас, за полчаса никто не может поручиться. Отсутствие взаимного доверия.

10 сентября. У нас вновь прокатился бурный вал, и поверхность еще не может успокоиться. Неудачные распоряжения нашего высшего начальства сделали то, что солдаты объявили всех офицеров заговорщиками и началось сильное брожение. В частности, наши два агитатора воспользовались этим для выполнения своих задач и явились ко временно командующему полком князю Андроникову с целой депутацией и с такими дерзкими требованиями, что стыдно было за уланский мундир. Один из членов этой депутации заявил, что «храбрые офицеры не нужны, от них лишь только больше потерь». Понятно, взрыв негодования Андроникова, заоравшего: «Вы забыли Господа Бога, Штандарт и совесть. Ступайте вон!» Все же

комитет просил, чтобы уехали два офицера, иначе они не могут поручиться за спокойствие. Надо сказать, что оба эти офицера вели себя не очень тактично и мешали нам в нашей работе, они как бы искали уехать, и еще в Миклашах мы просили их это сделать, так что Андроников предложил двоим взять отпуск, а третьему предложили таковой продолжить. Но одновременно Андроников отказался выполнить предложенную Лубенским программу демократизации, вызвали комиссара, и настроение улеглось. Вернувшись в полк, нашел там веселое, бодрое настроение, как и при отъезде. Ввиду все же очень натянутого положения, вызвали командира полка и ждем его с минуты на минуту. Вообще начинает сбываться то, что мы предполагали последнее время: германские деньги пробили и нашу, казалось, такую крепкую стену гвардейской конницы. Именно – старой, оставшейся в неизгладимых воспоминаниях ее славы и доблести, как на нашей Андреевской звезде было написано «За Веру и Верность». У старых лейбулан не могло быть в мыслях, что храбрые офицеры лишь увеличивают потери, старые лейбуланы радостно умирали за Родину и для славы полка, никто этим не возмущался, а на руках их носили и гордились подвигами своих однополчан. Их слава была им драгоценна, и любовь и уважение передавались, как святой завет, из поколения в поколение. Новые времена, новые понятия, все славное старое прошлое полка отходит в вечность, а на смену ему вместо любви к Родине явился интернационал.

5 октября. Сегодня уезжаю в отпуск и хочу записать впечатления от новой деятельности – подавления беспорядков. 22-го числа вызывает меня мой заместитель, полковой адъютант поручик Каменский⁴¹, и передает, что немедленно 4 эскадрона и взвод моей пулеметной команды должны выступить для подавления погрома в город Острог. Я вызвал взводных, кинули жребий, выпал Первому. Объяснил задачу. Ввиду впервые полученного такого рода приказа, решаю идти самому, оставив с другим вновь назначенного помощника Шабельского⁴². Команда быстро собралась, и не было тени замешательства. В 14 часов выступили и около 20 часов пришли в Острог. Начальником карательного отряда был Илья Крапоткин. Уже было темно, переход был в 40 верст, очень трудный, песчаная дорога. Как только расположились, пришел к нам молодой мальчишка Вонский, газетный сотрудник из Одессы, помощник комиссара 11-й армии, и с места обратился с речью к нашим уланам. Погром уже кончился, все лавки были разбиты, и надо было арестовать зачинщиков. Надо сказать, что орудовал стоящий здесь запасный батальон, в котором было две роты амнистированных каторжан. Не буду описывать всех подробностей, лишь скажу, что здесь окончательно убедился, что старой русской армии не воскресить, она умерла... С 28-го вечера по 3 октября утро проводили время в том, что без конца уговаривали, конечно, кроме наших офицеров, все убеждали, называя грабителей «товарищами», и собственно нам, офицерам, не ясна была наша роль, все делали комитеты. Впервые с эскадронным командиром ехал председатель эскадронного комитета, заседаний было без конца, съехалось со всех концов столько депутатов, сколько, кажется, было погромщиков. Эти разговоры дошли до того и так надоели, что даже мои пулеметчики говорили: «Господин ротмистр, разрешите ленту испортить, мы их сразу уговорим!» Через два дня подошли остальные два эскадрона, и Миклашевский был самый несчастный человек: его засушили на всяких совещаниях. После одного из них мы ужинали и командир говорит мне: «Нет, мы с ними разных планет, и если я раньше колебался и просил всех оставаться, то теперь скажу, кто куда может, с Богом!» Значит, дошло до предела, если такой военный, как наш командир, так изменился. Здесь, в Остроге, определилось и настроение эскадронов: в 1-м заявили Вите Каульбарсу, что вынимать шашек не будут и винтовок не снимут. Вызван 2-й эскадрон, Трубецкой⁴³ командует: «Шагом марш!», а из рядов возгласы: «Стой, хотим знать, куда идем?» Вот современная военная служба! Но надо сказать, что намек на дисциплину у нас еще есть, поступок 2-го эскадрона был осужден. Во всяком случае, острожская операция показала, что в «самой свободной армии мира», в «демократической русской армии» офицеры как будто

совершенно не нужны. Командиру все время приходилось говорить с какими-то председателями и депутатами, а мои пулеметчики держали себя замечательно и не раз предлагали мне «навести порядок», чего нельзя сказать про эскадроны 1-й, 2-й и 4-й. У всех нас было чувство: нет армии, нет России, есть какое-то отживающее государство, дни которого сочтены. Плоды этого пожали Керенский и К⁰, которые в момент переворота не сумели уберечь армию. Сохрани они дух и дисциплину, Россия могла бы быть в расцвете славы и скоро был бы мир с разбитыми немцами, а вместо того – гибнет Родина.

Нас вывели из города и расположили по ближайшим деревням, из боязни общения с пехотой, под влиянием которой уже началось брожение. В городе остался один лишь эскадрон. Я попросился поехать в отпуск, настроение мое может быть примером общего. Доложил командиру, что настроение команды отличное, а переменится, что смогу сделать? Здесь ли офицеры или нет, разницы теперь нет. Он согласился. Слава Богу, могу уехать. Немцы произвели высадку на островах, и Рижский залив в их руках. Держись Петроград и Балтийский порт! Посмотрим, сумеет ли революционная армия удержать это «Сердце революции», если только немцы захотят его взять. Одно видно, что им одинаково полезна деятельность Ленина и Лейбы Троцкого и вся оживившаяся деятельность большевиков, и это не входит в их планы. Ясна координация действий на фронте и в тылу. Сплошной ужас!

8 ноября. Сегодня вернулся в полк. Не могу не отметить того ужаса, и грязи, и извода, которые переживает сейчас всякий путешествующий по нашим железным дорогам. Не знаю, чем это объяснить. При старом строе армия была не меньше, публики было столько же и поездов тоже, и все было в порядке. Были плацкарты, всякий знал свое место, и, чтобы выйти или войти в вагон, вовсе не требовалось лезть в окно или протискиваться в коридоре, набитом до отказа людьми. Не понимаю, а вчера в Бердичеве, где отцепили штабной вагон, в котором я доехал из Киева, я физически не только не мог влезть в какой-либо вагон, но даже прицепиться на подножке. Абсолютно все заполнено «товарищами». Если бы хотя они на фронт ехали, а то половина просто катается, четверть ездит со спекулятивными целями, одна восьмая – для грабежа и одна восьмая – на фронт. Как-никак, но если бы не любезность машиниста, разрешившего влезть на паровоз, пришлось бы остаться в Бердичеве и искать оказию.

В Шепетовке узнал, что почти никого из офицеров не осталось, и, действительно, так и оказалось. Налицо: Малама⁴⁴ командует 1-м эскадроном, Эллисе⁴⁵ – 2-м, с ним Кирилл Нарышкин⁴⁶, в 5-м Длусский⁴⁷ и Фавелин, в 6-м Юрий Смагин, в моей команде – Шабельский, Буторов⁴⁸ – связь, Илья Крапоткин, Осоргин и Каменский – штаб, вот и все, что есть. 3-ми 4-м эскадронами командуют вахмистры. Первой моей мыслью было – не задерживаться, и я даже не принял от Шабельского ни денег, ни отчета. Он лишь доложил мне, что команда вела себя выше всякой похвалы и что на голосовании лишь двое, Орлов и Кобзя, заявили себя большевиками. Ну, если бы все большевики были таковы, то Россия не пропала бы. Общий уход был вызван тем, что, когда в Словуте был убит князь Сангушко, был вызван 4-й эскадрон и он отказался исполнить приказание Клейста⁴⁹ и Лишина⁵⁰. Оба немедленно сдали эскадрон и уехали, а полковой комитет постановил, что оба офицера действовали «политически бестактно»: по объяснению их, Лишин отдавал слишком категорические приказания. Сразу после этого все господа разъехались, кто мог, эвакуировался, кто куда устроился, а кто просто подал в резерв чинов. Все ясно, и, конечно, о дальнейшей службе речи быть не может. Выступление большевиков и захват ими власти безусловно отразились и на наших уланах. 1-й эскадрон высказался безусловно за них, 6-й – уклончив. Раз такие части, как наш полк, не могут быть поддержкой правительству, то на кого оно может надеяться?

В собрании пусто и уныло. Господа только и говорят, кто куда и когда едет. За столом сидят шесть офицеров и десять чиновников. Больше всего жаль Илью Крапоткина. Говорят так, что оставаться можно, но на долго ли? Полк разбросан по линии Шепетовка – Збараж,

но никаких нарядов не несет, лишь теоретически ждет случая усмирять. Я уже уверен, что наши солдаты действовать оружием не будут, и уже в Славуте были разговоры, что помещикам так и надо. Лучше всего было бы быть на фронте, меньше занимались бы политикой. Были у меня беседы с моим комитетом и комитетчиками, выражали радость по поводу моего возвращения и спрашивали мое мнение по текущим вопросам. Сказал, что определенно вижу гибель России, влекомой шайкой немецких шпионов, захвативших власть, и что я не вижу дальнейшей возможности продолжать службу. Председатель, унтер-офицер Ананич, зашел ко мне вечером и сказал, чтобы я, как и раньше, был неизменно уверен в команде и что всякое мое приказание будет беспрекословно исполнено. Мне это было очень радостно слышать, но решение определенно: уеду в ближайшие дни. Но вся команда в погонах, и эскадроны зовут нас «корниловцами».

11 ноября 1917 года. Председатель моего комитета передал мне предложение присутствовать на соединенном заседании всех полковых комитетов. Вместо 10, оно началось в 12 с половиной и эта говорильня продолжалась почти до 7 вечера. Активное участие принимали лишь Николаев (бывший мой старший писарь, ушедший одновременно со мной из жажды более широкой деятельности. Очень умный, очень способный, но с чрезвычайно большим самолюбием), 2–3 члена комитета и 6 человек из публики. Настроение остальных выразил мне мой пулеметчик Орлов, шепнув мне: «Господин штабс-ротмистр, разрешите уехать, коня жалко». Мне осталось неясным, зачем пригласили офицеров? По-видимому, для того, чтобы они услышали возмущенные слова по поводу их уходов. Но для нас была слышна совершенно определенная нотка в их речах, страх за будущее в связи с отъездом руководителей офицеров и бесильная ярость. Солдатня думала унижить своих офицеров, заставить их плясать по их дудке, а в результате вышло, что сами офицеры облили их своим презрением, и, конечно, огромный процент сознательных солдат думает – а как же будет дальше? Был в связи с этим поднят вопрос о скорейшем производстве офицеров, и было предложено временно командующему полком Крапоткину совместно с комитетом обсудить кандидатов, на что он ответил категорическим отказом. Тогда ограничились представлением ему списка кандидатов. Причем ведь они, идиоты, весь вопрос свели к баллотировке офицерским собранием. С трудом удалось им вбить в голову, что теперь нет речи о каких-либо баллотировках. Коснулись и вольноопределяющихся. Один из унтер-офицеров заявил, что один плохо делает гимнастику, на это опять Крапоткин заявил, что в данное время лучше быть развитым офицером, чем хорошо прыгать через кобылу.

Затем перешли к вопросу о негласных суммах. Что с ними делать, прения были страстные. Илья заявил, что командный состав и интендантство требуют сдачи их в казну, но это было настолько против желания многих жуликов, что 6-го эскадрона улан Крапивин крикнул: «Если командный состав не исполнит нашего решения поделить все, то у нас есть штыки и винтовки», то есть просто призывал взломать денежный ящик. Ветеринарный врач Кочубеев заявил, что если всякая сторона моральная отпала, то не проще ли выйти на большую дорогу и заняться грабежом. На голосовании было постановлено большинством 27 голосов против 14 раздать деньги на руки. Конечно, Буторов и я были в числе 14. Когда стали разбирать, каким путем это сделать, мы уклонились от дальнейшего участия. Затем председатель сообщил результаты корпусного съезда: большевиков было 35, умеренных 47, принята была согласительная формула, просто большевистская. Осуждения им нет, а есть требование открытия тайных договоров, немедленный мир без аннексий и тому подобная ерунда. Сегодня, надеюсь, мне пришлось последний раз присутствовать на заседании солдатской организации, и вышел я глубоко огорченным. Все погибло, не на кого надеяться. Великая Россия рухнет, дни ее сочтены. Если среди наших солдат, сравнительно воспитанных, развитых, наступило такое разложение, то что же можно ждать от глубоких серых масс пехоты. Великую услугу оказали России Ленин, Бронштейн, Гольдман, Розенберг, Урицкий, Иоффе и прочие «русские люди», вся эта интернаци-

ональная шайка. Нам же пока что осталось сказать: спасайся, кто может! Может, еще пригодимся. Есть еще слабая надежда на союзников.

18 ноября 1917 года. Сегодня уехал я из полка, в котором верой и правдой прослужил шесть с половиной лет и который не думал так скоро покинуть. Вчера созвал к себе комитет и часа три с ними беседовал. Заявил им, что уезжаю, как больной, вернусь ли скоро или нет, не знаю. Может, пробуду более двух месяцев и меня отчислят от команды. Всей команды прощаться не собираю, прошу передать людям сердечный привет и благодарность, что за время семимесячной службы совместной, особенно в такое трудное время, у нас не было даже намека на какое-либо трение в наших отношениях. Сохраняя о пулеметчиках самые лучшие воспоминания, желаю им в будущем оставаться такими же дружными, доблестными, в полной уверенности, что никакие силы не разрушат чудного духа нашей команды и лейб-улан пулеметчики будут всегда служить не за страх, а за совесть, примером всем другим. Они были поражены моим решением уехать, говорили, что так ждали моего возвращения, надеялись, что, как и раньше, буду ими руководить, советовать, – и вдруг я их оставляю!.. Что такого начальника у них не было и не будет, что вся команда разволнуется, что не может быть речи о каких-либо претензиях, а лишь глубокая благодарность за неизменно доброе отношение. Вспомнили, как при приеме команды мой родной 6-й эскадрон принес меня на руках с хором трубачей и как тогда он обещал меня оберегать и во всем слушаться, так и впредь, несмотря ни на что, обещают мне полное доверие. Расстались мы самыми добрыми друзьями, что они и доказали, отправив моих обеих лошадей, Катавасию и Картинку, к моему верному рехмету Атаману в деревню. Лишь советовали не собирать команду, иначе она меня не отпустит. Я и сам так думал, желая избежать всяких чествований и речей, что было бы неизбежно. Да, мне моих пулеметчиков искренно жаль. С первого дня мне с ними было очень хорошо, хотя Кушелев их здорово распустил и Миклашевский сказал, что мое назначение – чисто политическое, так как основа полка в данное время – пулемет, огонь. Господь помог мне сделать из этих петроградских рабочих действительно славных лейб-улан, которые до последних дней могли служить примером верности и доблести и исполнения долга. Гвоздев, мой денщик, заменивший заболевшего верного Адоньева, говорил, что команда плакать будет, когда узнает. Поздно вечером, на ночь глядя, покинул я полк. До свидания, старый полк, наверное – прощай! С тяжелым сердцем покинул я тебя, а с новым я не прощаюсь, я в нем – чужой, а всем сердцем грущу о полке лейб-улан Ее Величества до 1 марта 1917 года. Под старым, седым штандартом прослужил я лучшие годы моей жизни, если слух о замене его революционным знаменем оправдается, то это будет и лучше. Не место свидетелю вековой славы полка в его теперешних рядах! Близко узнав новых наших солдат и комитеты, не сомневаюсь, что конец его, как боевой единицы, близок, если уже не наступил. Когда мы, коренные офицеры, прослужившие с этими солдатами со дня их призыва, спаянные на поле сражений вражеским огнем, потеряли авторитет, то каково будет значение офицера из солдат? Или нужна будет такая зверская дисциплина, о которой мы и думать не могли, да и не надо было, мы верили взаимно. В демократизации, в свободе армии не спасение, а неизбежная ее гибель, а с нею и Родины. Когда раньше думалось, что настанет неизбежный день ухода из полка, при одной мысли становилось бесконечно грустно, а сейчас уезжаешь сердцем и только мыслишь – как бы подальше! Полка уже нет, есть толпа, где интеллигентному и верному заветам предков офицеру нет места.

Зашел в канцелярию. Писарь Михайлов тоже поражен моим уходом. «Если вы уходите, – говорит, – что же остается делать солдатам? Вас считали верным, своим офицером», но сам Михайлов говорит, что служить нельзя и трудно передать, что творится сейчас, в солдатской среде же идет разговор, что Николаев – буржуй и его столкнут. Я начинаю думать, что Николаев – порядочный прохвост, и я его не очень понимаю. Он очень неглупый человек, и единственное объяснение его политики – жажда власти, и в этом он всегда был грешен. Когда я, будучи два

года полковым адъютантом, отдавал ему категорическое приказание против его мнения, он целый день ходил обиженным.

Итак, могу лишь пожелать командному составу удачи в его начинаниях, но в успехе его позволю себе сильно сомневаться. С друзьями особенно не прощаюсь, так как, Бог даст, в другой обстановке, свободными людьми, встретимся.

Еду со старым Тизеном, оба – как больные, я – с пороком сердца, он с острым ревматизмом. Вскоре уедут Юрий Смагин и Шабельский, в начале декабря – Эллисе и Каменский, а пока ничего не решили Длусский, Малама, Осоргин, Кирилл Нарышкин и так называемый «командир полка» Илья Крапоткин. Мне понятен лишь один Илья, но другие, особенно Кирилл, нет. Жажда сильных ощущений или вера в чудо, но я изверился!

С. Апухтин⁵¹

На фронте после революции⁵²

В середине июня 1917 года Сводный пехотный полк, еще недавно носивший громкое наименование Собственного Его Величества, перестал существовать. Все солдаты, получив нужные документы, покинули Рогачев. Офицеры также должны были вернуться в свои части, но из Ставки пришло распоряжение, что желающие офицеры могут получить командировку во Францию, в распоряжение военного агента. Это многих соблазнило. Возвращаться в полки не хотелось, от боевой службы поотвыкли, а многие ее еще и не испытывали. Был и страх – как отнесутся в полках и в полковых комитетах к офицерам, служившим и защищавшим Царскую семью. Между офицерами было много разговоров, как отнестись к этому предложению. Я стал на точку зрения, что покидать Родину в минуту опасности и величайшей разрухи невозможно и что каждый из нас может и должен оставаться и принести жертву в меру своих сил, помогая восстановлению армии. Одни со мною согласились, другие возражали, говоря, что помочь мы ничем не можем, и воспользовались возможностью уехать за границу.

Задержавшись недолго в Петрограде, я отправился на фронт и, проблуждав почти две недели в поисках полка, наконец его нашел. Мое возвращение в полк не вызвало никаких недоразумений. Офицеры встретили меня радостно, солдаты (я получил опять роту, которой командовал до назначения в Сводный полк) – радушно.

Армия тяжело переживала революционную болезнь. Всяческие эксцессы с неугодным начальством и постоянные митинги делали армию вооруженной толпой без дисциплины и порядка. Все усилия офицеров сохранить хотя бы видимость воинской части часто оставались без успеха. Но к моему большому удивлению, как у меня в роте, так и во всем полку отношения между солдатами и офицерами были хорошие. Приказания исполнялись, и даже занятие боевых участков не вызывало возражений. Особенно тяжелым было положение на участке Дзике-Ланы, высоком, крутом холме в долине Гнилой Липы, в Галиции. Немцы усиленно старались сбросить нас с этого холма, откуда им открывался бы простор на всю долину реки. Окопы сошлись на расстояние в 30–50 шагов, и над ними были натянуты сетки, так как они забрасывались ручными гранатами. И, несмотря на постоянную бдительность, опасность и трудность подноса еды даже ночью, полк с успехом держал эту позицию целую неделю и очень хорошо и незаметно сдал ее пришедшему нам на смену другому полку.

Прямого участия в Корниловском наступлении⁵³ мы не принимали, будучи в резерве командующего армией. Разграбив оставленный австрийцами город Калуш, войска, принимавшие участие в наступлении, распропагандированные революционной пропагандой о мире «без аннексий и контрибуций», ринулись в тыл. Не соблюдая никакого порядка, солдатня пробила себе дорогу штыками, все сметая с пути, – только бы уйти из-под обстрела.

Наша 3-я гвардейская дивизия получила приказ отходить за реку Збруч, протекавшую по старой границе с Австрией, и занять позицию вдоль реки. Мне было приказано с двумя ротами быть в арьергарде и оставаться в месте расположения полка еще шесть часов после его ухода.

Уже стемнело, когда я двинулся в путь, имея четырех офицеров и человек 300 солдат. Приехавший в деревню крестьянин – галичанин – сообщил нам, что соседняя деревня уже занята австрийцами и что они идут по шоссе дальше на восток. Я взял хорошего проводника – крестьянина – и просил его вести нас по полевой дороге параллельно шоссе, в 2–3 верстах от двигавшейся австрийской колонны. Я отдавал себе отчет в том, что только быстрота и полная скрытность движения позволят нам опередить и оторваться от австрийцев. Представлялось мне также и то, что противник не будет в движении всю ночь и остановится где-нибудь

на отдых. Я предупредил солдат об обстановке, приказал идти быстро, не курить и не рассчитывать на привалы.

Большинство из них поняло серьезность момента, но были и такие, которые время от времени кричали мне: «Сусанин, куда ты нас ведешь?» или «Когда же будет привал?» и т. д.

Не обращая внимания на эти возгласы, я безостановочно вел их вперед (вернее сказать – назад). Так прошла эта тихая, теплая ночь. К рассвету мы подошли к большой деревне, от которой до Збруча оставалось 5 верст. Я разрешил солдатам отдохнуть, напиться и умыться. От австрийцев мы оторвались, но все же я выставил сторожевое охранение и сам его обошел. Когда я вернулся в деревню, мои офицеры доложили мне, что во всех избах и дворах полно солдат – стрелков лейб-гвардии 4-го полка.

«А где же их офицеры?» – спросил я. «Офицеров нет. Солдаты говорят, что у них свой комитет».

Я нашел председателя этого комитета. Это был отлично выправленный и красивый унтер-офицер 4-го стрелкового полка. От него я узнал, что солдаты его полка, около 800 человек, ушли из полка и вот уже две недели самостоятельно бродят по Галиции. Два дня тому назад они пришли в эту деревню, жители которой их кормят. Солдаты решили здесь кончать войну и сдаться в плен, когда подойдут австрийцы.

Я был потрясен, услышав все это. «Собирайте ваших солдат, я поговорю с ними», – сказал я. И стрелки собрались на площади деревни, через которую протекал небольшой ручей с горбатым мостом. Пришли они все с винтовками. Я говорил им о глупости их решения сдаться в плен, о преступности такого отношения к родине и т. д. Солдаты слушали меня, улыбаясь и перемигиваясь между собой. Я понял, что никакие слова не подействуют на вывихнутые революционной «свободой» мозги этих людей.

Тогда я неожиданно вырвал из рук председателя винтовку, взбежал на мостик через ручей и швырнул винтовку в воду. «Кидайте ружья в воду! – кричал я. – Сдавайтесь в плен, если хотите, но оружие отдавать немцам я не позволю!»

Настроение солдат резко изменилось. Хмурые лица смотрели на меня. «Оружие не отдадим!» – загалдели солдаты. Я протолкался между ними, и каждый из них мог бы прикончить меня штыком. Но этого не случилось. Я же твердо решил, что не позволю им сдаться в плен с оружием. Я был уверен, что мои солдаты солидарны со мной и что в крайнем случае я стрелков разоружу. Но и стрелки задумались и поняли всю глупость и преступность их решения: скоро весь стрелковый комитет пришел ко мне и объявил, что они перерешили и пойдут с нами и чтобы я был их командиром.

Времени терять было нельзя. Солнце поднялось уже высоко. Разбив стрелков на четыре роты, я присоединил их к своим двум и благополучно отошел за Збруч, где уже занял позиции мой Петроградский полк.

Мое появление вызвало радость и удивление. В полку считали, что я не успел выйти из австрийского окружения, а я еще привел 800 солдат! Штаб дивизии уклонился от принятия какого-либо решения о судьбе стрелков, предоставив решить этот вопрос в рамках полка. Вернуться в свой полк стрелки категорически отказались и были распределены по ротам в качестве пополнения.

Австрийцы делали неоднократные попытки перейти через Збруч и однажды ночью переправились, но и эта их атака была затем отбита. Стрелки держались отлично наряду с нашими солдатами.

Описанием этого эпизода я не хочу поставить что-либо себе в заслугу. Я исполнял свой тяжелый долг офицера по крайнему своему разумению, но эпизод этот показывает, в каком состоянии находилась тогда армия и как безвыходно тяжело было положение нас, офицеров.

В октябре нас сменили и отвели в дивизионный резерв. Разместились мы в большой деревне с еще недавно бывшим богатым помещичьим домом, принадлежавшим семейству

Муравьева-Апостола. Теперь дом этот представлял собой разграбленное, полу сожженное здание. Местные жители и проходившие революционные банды поторопились уничтожить это прекрасное, богатое имение.

При деревне был большой спиртовой завод, хоть и не пощажённый грабителями, но все же еще имевший запасы спирта и потому представлявший большой соблазн для наших солдат. Надо было принимать меры к его охране или уничтожению. Оказалось, что при заводе существует какая-то команда, которая очень ревниво его охраняет, никого туда не допуская.

Вечером следующего дня по нашем прибытии в деревню мой денщик испуганно доложил мне, что на заводе находится за старшего унтер-офицер Ворончук. «Плохо дело, господин капитан, – сказал мой верный Яков. – Ворончук узнал, что мы здесь, и ищет вас по деревне».

Должен вернуться несколько назад, чтобы объяснить, почему мой денщик так испугался и почему Ворончук мог искать меня. Сразу по возвращении в полк, вступив в командование ротой, я обратил внимание на этого солдата. Распоясанный и дерзкий, нахватавшийся нелепых большевистских лозунгов, услышанных им на митингах, он без всякого смысла повторял: «Без аннексий и контрибуций», «мир – хижинам, война – дворцам» и т. д., а офицеров почему-то называл «эти опиумы». Воображая себя оратором, он будоражил солдатскую массу и пользовался большим авторитетом. Мне надо было поскорее избавиться от него. Как раз пришло секретное приказание отобрать ненадежный, будирующий элемент и, не объявляя солдатам о цели командировки, отправить их в штаб армии, где предполагалось создать из них подобие дисциплинарного батальона. Я воспользовался этим и отправил Ворончука, сказав ему, что их отправляют в тыл для несения охранной службы. Каюсь, я скривил душой, Ворончук же был доволен и благодарил меня, говоря, что всегда считал меня справедливым: он, мол, довольно побыл на фронте и может отдохнуть в тылу.

Но прошло уже то время, когда штаб полка получал и отдавал секретные приказания: не успели отправляемые люди уйти, как всему полку стало уже известно, что солдат отправляют как ненадежных людей и в штабе армии им придется не сладко. Телефонисты из высших штабов передавали в полки все новости.

Но солдаты отнеслись к судьбе откомандированных совсем равнодушно. В моей роте даже смеялись: «Посмотрим, как Ворончук будет там «без контрибуций». И полковой комитет не обратил внимания на это происшествие, благо пришел приказ о выступлении ближе к фронту.

Теперь этот Ворончук искал меня по деревне и, конечно, скоро явился в мою хату. Я дословно слышал его разговор с моим Яковом. «Ты чего сидишь с винтовкой?» – спросил его Ворончук. «Охраняю арестованного, – отвечал Яков, – комитет арестовал капитана, никого не велено пускать к нему». Ворончук был страшно возмущен: «Кто смел арестовать капитана!»

Он рассказал Якову, что, двигаясь от этапа к этапу за старшего в команде из 30 солдат, он пришел в эту деревню, где в это время какая-то проходящая часть громила спиртной завод. Комендант этапа потерял голову, по деревне шла стрельба и безудержное пьянство. Ворончук предложил коменданту навести порядок, разогнал грабителей и очистил завод. Не обошлось без убитых и раненых, но еще больше оказалось мертвецы пьяных, и в огромном бассейне со спиртом плавали свалившиеся туда люди. Ворончук говорил, что хочет поблагодарить меня, что я знал, кого отправляю в тыл, что он бережет народное добро и будет здесь до конца войны.

Услышав все это, я вышел в прихожую, и Ворончук бросился ко мне с выражениями благодарности и обещал снабдить меня спиртом и салом, сколько я захочу. Он хотел сейчас же идти в полковой комитет и требовать моего освобождения, но Яков сказал, что сделает это сам и чтобы Ворончук туда не совался.

Это еще одна картинка положения, в котором были мы, офицеры, на фронте. Мой денщик оказался находчивым и вооружился, чтобы не допустить ко мне озлобленного человека.

Несколько раз Ворончук приносил мне потом спирт и большие куски сала и очень удивлялся, когда я, поблагодарив его, от них отказывался.

Скоро в расположение полка приехал командующий армией генерал Селивачев⁵⁴. Когда он обходил район моего батальона, и я ему представился, он немного задумался и потом сказал: «Погоди, погоди, дай подумать! Это который же Апухтин? Помню, были два мальчугана в Грузине». Генерал очень обрадовался тому, что узнал меня. Мне было 8–9 лет, когда отец командовал 88-м пехотным Петровским полком, стоявшим в селе Грузине, Новгородской губернии. Подполковник Селивачев командовал тогда в полку батальоном. Он отлично окончил Академию Генерального штаба, но не был зачислен в штаб, как тогда говорили, из-за невероятно уродливой формы головы, торчащей у него высоким конусом. Во время японской войны он проявил себя отличным офицером, начал продвигаться по службе и во время германской войны также проявил большие способности, несмотря на форму головы.

Генерал Селивачев стал расспрашивать меня о положении офицеров и о возможности заставить солдат продолжать войну. Я рассказал генералу все, что наболело у меня на душе, рассказал и историю с Ворончуком. Генерал грустно меня слушал: «Эх, дорогой мой, какие там дисциплинарные батальоны! Хотел я это сделать, но увидел скоро, что сейчас нельзя и думать об этом». Потом он дал совет – выбрать от офицеров троих, которые поехали бы в Ставку и там так же откровенно, как я говорил ему, поговорили бы с высшим начальством. «Ведь знаешь, кто наш Верховный? Адвокат. Это племя любит поговорить и очень верит «ходакам с мест». Говорите, что вы, офицеры, можете и хотите воевать, пусть начальство издаст строгие законы, чтобы прибрать к рукам солдатню».

Я доложил командиру полка о разговоре с командующим армией. Чтобы не привлекать внимания подозрительного полкового комитета, офицеры не собирались, а переговорив друг с другом, решили отправить в Ставку, и если надо будет – в Петроград, троих из нас. В числе намеченных к поездке был и я.

В хмурый, дождливый день я покинул деревню Мытки. Прощаясь с друзьями, я не думал, что никогда больше не вернусь в свой полк и что полк прекратит свое 200-летнее славное существование. Эти три месяца пребывания на фронте были самыми трудными в моей жизни. Я часто вспоминал своих друзей по Сводному полку, уехавших во Францию. Может быть, они избрали более легкий путь – я их ни в чем не упрекал, но с чувством большого удовлетворения я думал, что путь, избранный мною, правильный: все мы, офицеры, должны были служить в своих полках до последней возможности.

С большими трудностями, массой пересадок, в переполненных поездах на забитых дезертирующими солдатами станциях мы все же добрались до Могилева. Полковник Федотов⁵⁵, ехавший за старшего, успел составить нечто вроде воззвания-обращения и к офицерам, и к общественному мнению, и главным образом к высшему начальству. В нем говорилось о верности союзникам, о необходимости продолжать войну до победного конца, о жертвенности офицерского состава и его готовности продолжать эту жертву, но просилось и требовалось понимание этой жертвы, поддержка ее. Мы требовали прекращения всех митингов в прифронтовой полосе, запрещения выступать совершенно неизвестно как попадавшим на фронт безответственным агитаторам, проповедующим братание, прекращение войны и уход с фронта. Федотов постарался: все им написанное было криком изболевшейся души русского офицера.

С горечью подходил я к губернаторскому дому в Могилеве. Только год прошел с тех пор, как я охранял здесь Государя Императора! Как мало надо времени для того, чтобы опоганить все, что веками было свято! Как только Император покинул Могилев, в его дом водворились чужие люди; внизу, где жили чины Двора, суетились какие-то генералы, офицеры и солдаты, хлопали двери, раздавались возгласы и телефонные звонки, какой-то хаос, неразбериха, но не серьезная работа штаба многомиллионной армии!

В управлении дежурного генерала, куда мы должны были явиться, чтобы получить прием у начальника штаба, нас принял какой-то полковник. Выслушав нас и быстро пробежав глазами текст обращения, он сказал нам: «Начальник штаба и все мы здесь прекрасно знаем положение на фронте и ваше, господа офицеры. Но вы знаете тоже, что сейчас нами командуют адвокаты и бывшие террористы. Что можем мы сделать, чтобы улучшить ваше положение? Начальник штаба завален работой выше головы – спасает то, что можно еще спасти. Не мешайте ему. Не теряя времени, поезжайте в Петроград, явитесь к этим новым «светилам», пусть они послушают вас и узнают, что творится на фронте».

Полковник был совершенно прав: разруха и попустительство шли главным образом от безграмотных, обуреваемых честолюбием новоявленных «главковерхов».

И мы решили скорее двигаться в Петроград. Тот же полковник выдал нам командировочное свидетельство. С ним мы смогли получить место в штабном вагоне и, довольно удобно разместившись и даже поспав, благополучно добрались до столицы.

Хмурый, дождливый октябрьский день встретил нас в Петрограде. Было 15 октября. В нашем запасном полку настроение было унылое. Офицеры не сомневались в неизбежности выступления большевиков для захвата власти, ненавидели Керенского и всю банду, ставшую правительством. Главнокомандующий округом, какой-то полковник Полковников, никаким авторитетом не пользовался. Да и кто он был, этот полковник? Почему он вознесся на столь высокий пост, какие были у него заслуги и отличия, чтобы быть авторитетом?

Среди солдат шла безудержная агитация большевиков. Ежедневные митинги, выслушивание предложений немедленного заключения мира, возвращения домой и раздела помещичьей земли не могли не соблазнять уставшую от войны солдатскую массу. И не было никакой агитации в противовес, хорошей, организованной агитации, которая велась бы людьми, преданными патриотической идее...

Когда я явился в свой запасный полк, сразу же встретил много солдат, знавших меня по фронту. Они приветливо здоровались со мной, спрашивали о положении на фронте и просили прийти на митинг, где должен был решаться вопрос, поддержать ли большевиков в случае их выступления или сохранять верность Временному правительству. Я обещал прийти. Я не сомневался, что решение будет в пользу большевиков. Что мы, офицеры, могли сделать? Керенский и его друзья сделали все, чтобы нас унижить и лишить доверия солдат. Но я не хотел и плыть по течению. Надо было что-то делать.

Я отправился к Бурцеву. Это был всем известный революционер, разоблачитель Азефа, прекрасный журналист и редактор газеты «Общее Дело». Энергичный старик, он боролся с растущим влиянием большевиков, насколько это позволяли его силы. Я рассказал Бурцеву о предстоящем митинге и просил его приехать или прислать хорошего оратора, который мог бы противостоять ораторам из Смольного. Бурцев был, видимо, очень взволнован моим рассказом, обещал сейчас же принять меры, сообщить куда надо и т. д. Он совершенно меня успокоил, сказав, что митинг будет провален.

С горечью слушал я на митинге выступления большевиков. В их речах было столько лжи, столько явной нелепости, что думалось: «За каких же дураков считают они слушателей, если решаются преподносить нам такой набор слов?» Какой-то бородатый прапорщик говорил о захвате немцами острова Даго. Этот остров в Финском заливе был важным пунктом в обороне Петрограда, был укреплен, снабжен сильной артиллерией и большим гарнизоном. Захват этого острова вызвал большой переполох в военных кругах и был предметом разговоров в Петрограде.

Прапорщик говорил: «Когда немцы подошли и артиллерия должна была стрелять, оказалось, что пушки поставили без дырок. А ставил пушки полковник Иванов. Пушки сделали без дырок, чтобы нельзя было стрелять. А кто изменник? Полковник Иванов и его офицеры!»

Стоявший около меня солдат, знавший меня, сказал мне: «Ведь вот мелет вздор! Как могут быть пушки без дырок? Просто чехлы не сняли, наверное». А солдатня гоготала и аплодировала оратору, крича: «Давай сюда полковника Иванова! Мы ему провертим дырку!»

Но где же был Бурцев или кто-либо из партии Керенского? Кто возразит на эти нелепости? Никто не пришел, никто не возразил... Митинг постановил поддержать большевиков в случае их выступления.

Тем временем полковник Федотов съездил в Зимний дворец и устроил нам прием у главы правительства и Верховного Главнокомандующего Керенского. Прием должен был состояться 20 октября ровно в 12 часов дня. «Ни одной минутой позже! – предупредили Федотова в канцелярии. – У главы правительства время расписано по минутам, и он пунктуален».

С тяжелым чувством подходил я к подъезду Ее Величества в Зимнем дворце. Почему надо было Керенскому поселиться именно здесь? Неужели в огромном Петрограде с его бесчисленными дворцами не было другого помещения, достойного революционного адвоката? Или этим внедрением в царские покои показывалось презрение к свергнутому самодержавию?

Керенский не только сам вторгся в Зимний дворец, но еще и разместил в нем массу всяких «бабушек» и «дедушек» русской революции. Вся эта банда каторжан расхищала царское белье, объедалась и опивалась запасами царских погребов, а сам «глава» не нашел других комнат в огромном дворце, как именно личные комнаты Императора Николая II, и влез в чужой кабинет и чужую спальню. Если большевиков можно обвинять в разгроме и расхищении Зимнего дворца при его занятии 25 октября, то прежде всего в них надо обвинить Керенского, который начал это расхищение личного царского имущества.

Вот и подъезд Ее Величества. В феврале 1913 года я стоял часовым у этого подъезда. Караул во дворце несла рота Его Величества Павловского военного училища. Был лютый мороз, и было приказано надеть тулуп и кенйги. Ночью, в сильную метель, посты обходил наш командир батальона и поздравил меня с производством в портупей-юнкера. Это было большим событием в моей жизни, и оно произошло у этого подъезда.

Мы поднялись по широкой мраморной лестнице, покрытой замызганным ковром, и нас провели каким-то темным коридором в приемную залу перед царским кабинетом. У дверей кабинета в небрежных позах стояли какие-то велосипедисты, вооруженные кортиками. Они изображали парных часовых. По залу ходили офицеры и штатские люди во френчах, косоворотках и пиджаках. Сустились адъютанты, молодые прапорщики, в невероятных галифе и френчах. На нас никто не обратил внимания, но в 12 часов один из этих адъютантов подошел к нам и сказал, что Верховный Главнокомандующий нас ожидает.

Мы вошли в кабинет. Это была огромная комната, очень высокая, с массой мебели в чехлах. В простенке между окнами стоял огромный письменный стол, и против него – мраморный бюст Императора Александра III.

Керенский сидел у стола, но сразу встал и, протягивая руку, подошел к нам. Он попросил нас сесть у стола. Полковник Федотов сказал ему цель нашего посещения и подал отпечатанное воззвание. Керенский слушал молча, прочитал воззвание и сказал: «Сильно написано, отлично! Это должно произвести впечатление. Размножьте это и пошлите в редакции всех газет, пусть напечатают. Вы давно в Петрограде? Что вы слышали здесь про большевиков?» – обратился он ко мне.

Я начал говорить о митинге в запасном полку, о выступлении большевиков и о речи бородатого прапорщика про сдачу Даго.

«Да, кстати о Даго, – перебил меня Керенский, – трудно себе представить, что немцы заняли его без единого выстрела. Гарнизон пехоты взбунтовался и не позволил артиллерии открыть огонь. Многие офицеры пострадали от рук этих предателей. Скажите вашим товарищам-офицерам, что правительство не дремлет и в армии будет восстановлен полный порядок. А что касается здешнего гарнизона, то среди него есть, конечно, большевики, но большинство

– на стороне законной власти и будет ее защищать. Благодарю вас за интересные сведения и желаю вам полного успеха».

Керенский встал, протянул нам руку. Вид у него был переутомленный, помятый, а лицо – совершенно серо-желтое.

Мы вышли. Вот и все. И для этого мы с таким трудом добивались до столицы, чтобы увидеть эту фигуру, беспомощную и безвластную, державшуюся у власти лишь только по инерции!

Про большевистские настроения в своем запасном полку я знал хорошо, и что они таковы же и в других частях гарнизона, не было никаких сомнений.

Из моей семьи в Петрограде был только мой отец. Старший брат с женой уехали на Кавказ, сестра и мать были в Киеве, там же, на каких-то ускоренных военных курсах, был и младший брат. Отца вызвали с фронта в комиссию Военного министерства для выработки новых уставов. Работала комиссия целыми днями, но так ничего еще и не выработала.

У отца был хороший номер в гостинице «Астория», и он предложил мне поселиться у него. Я каждый день ходил в свой запасный полк, много разговаривал с молодыми прапорщиками, необстрелянными юнцами, смотревшими на меня с большим уважением, хоть я и сам был не намного старше их. Вечером 24 октября командир полка, полковник Кравец, просил меня не уходить из собрания, так как были получены очень тревожные сведения о предстоящем выступлении большевиков. «Приказано всем быть на местах, переночевать можно на диване в бильярдной», – прибавил он.

Скоро все офицеры покинули собрание, все они жили в районе казарм, а я расположился на диване и, читая газеты, незаметно задремал. Меня разбудил служитель собрания – рядом с ним стоял неизвестный мне молодой прапорщик.

«Я приехал, – заговорил прапорщик, – по приказанию военного министра за командиром полка. Военный министр собирает всех начальников частей гарнизона на совещание. Командир вашего полка заболел и приказал вам ехать со мною». Это было для меня неожиданно: еще поздно вечером полковник Кравец был совершенно здоров. Но я не показал своего недоумения, а приказание есть приказание. Молодой прапорщик не должен был видеть моего недовольства.

«Теперь еще нет и шести часов утра, – сказал я. – Не легко добираться в министерство, еще и трамваи, вероятно, не ходят». – «Не беспокойтесь, капитан, моя машина ждет у подъезда».

Быстро умывшись и одевшись, я успел еще наспех проглотить чашку чая, угостив и прапорщика, и мы вышли на подъезд. Действительно, нас ждала небольшая открытая машина. Слегка накрапывал дождь, было еще совсем темно.

Наше собрание находилось на Измайловском проспекте, на углу улицы 1-й роты. Из окон здания была видна площадь с Троицким собором и памятник Славы (колонна, сложенная из турецких пушек, взятых русскими войсками в войну 1877—78 годов). Машина, пройдя улицу 1-й роты, свернула на Загородный проспект. Улицы были совершенно пустынные, как вымершие, ни извозчиков, ни трамваев.

«Знает ли шофер, куда ехать? – спросил я. – Ведь квартира военного министра – на Мойке, а мы едем в другую сторону». – «Не беспокойтесь, капитан. Мы едем правильно. Я должен вас доставить в Смольный институт». – «При чем тут Смольный?» – удивился я. «Капитан, вы ничего не знаете. Сегодня ночью произошел переворот, власть захватили большевики, и новое правительство находится в Смольном институте. Я сам только неделю как приехал в Петроград в отпуск. Мой приятель по школе оказался большевиком, он привез меня в Смольный, и я помогал ему в разных поручениях. Вот сегодня меня послали за вами. У меня инструкция привезти вас живым или мертвым, так что не пытайтесь бежать или сопротивляться. Я еще не большевик, но перевороту сочувствую. Нельзя же больше терпеть это идиотское Временное правительство и сумасшедшего шута Керенского».

Я понял, что попал в неприятную историю. Бежать мне было некуда, я ехал по приказанию своего начальника. «Сегодня удивительный день, – продолжал прапорщик. – Если большевики захватят власть, каждому из нас открыта широкая дорога к самым невероятным возможностям. Я завидую вам, капитан! Вы – боевой офицер, я вижу это по вашим орденам, а в Смольном совсем нет офицеров, только прапорщики. А большевикам сейчас нужны офицеры. Они боятся казаков. Если вы захотите, сегодня же вы будете командующим армией». – «Вы очень молоды и восторженны, – ответил я, – но я понял из ваших слов, что переворот еще не совершился, большевики еще чего-то боятся».

Мы ехали уже по Шпалерной, приближаясь к главному подъезду Смольного института. Это огромное здание я хорошо знал: две мои сестры учились и окончили этот институт. Я часто приезжал к ним на прием, хорошо знал их подруг, и иногда инспектрисса позволяла осматривать внутренние помещения.

У ворот, при въезде в парк, горел костер, и неопрятно распоясанные солдаты остановили нашу машину. Мой прапорщик показал им какое-то удостоверение, и они нас пропустили.

На площадке перед главным подъездом толпились рабочие и матросы. С грузовика им раздавали винтовки и патроны. И здесь горел большой костер, было холодно и промозгло. На ступенях стояли два пулемета, и матросы с надетыми крест-накрест пулеметными лентами их чистили. Много машин стояло в сторонке, прямо на лужайке. В подъезд, толпясь, входили и выходили люди.

Прапорщик просил меня не отставать, он знал, куда нам идти. Мы проталкивались через массу людей, возбужденных и кричащих. Было много женщин.

Поднявшись во второй этаж, мы оказались в широком, полутемном коридоре, хорошо мне знакомом. Здесь находились комнаты, называвшиеся институтками «селюльки». В комнатах находился только рояль и два стула. Институтки упражнялись здесь в игре на рояле. На дверях одной из «селюлек» на большом листе бумаги красным карандашом было написано: «Военный министр и главнокомандующий округом». Не стуча, мы вошли в комнату.

Так начался в моей памяти первый из «десяти дней, потрясших мир».

Большая, высокая комната в два широких окна была пуста. У одного окна стоял маленький столик с разложенной на нем картой Петрограда и окрестностей. За столом стоял пожилой прапорщик в короткой, до колен, шинели. Взъерошенные волосы прикрывали лысину, на подбородке торчала редкая борода. Прапорщик, углубленный в рассматривание карты, не обратил на нас никакого внимания. Это и был военный министр и главнокомандующий округом прапорщик Крыленко.

Мы отошли к другому окну. У дверей сидел солдат, винтовка его лежала рядом с ним на полу. Он хлебал из грязного котелка какое-то варево и, окончив, еду, скрутил «козью ножку» и с видимым удовольствием закурил.

Было уже половина девятого, когда, так же как и мы, в комнату вошли офицеры, капитаны лейб-гвардии Измайловского и Павловского полков. Так же как и меня, их сопровождали прапорщики. Вошедшие поздоровались со мной, покосились на прапорщика у столика и пожали плечами. Мы не разговаривали между собой, но, подождав немного, закурили.

В комнату входили штатские и солдаты. Они что-то говорили с Крыленко, он недовольно отмахивался от них. Один из штатских привлек наше внимание: Крыленко очень почтительно что-то докладывал ему вполголоса и тот поглядывал на нас с любопытством. Я так и не узнал, кто это был, а мой прапорщик не мог назвать его фамилии.

Время шло. Было уже 10 часов утра. Заканчивая разговор с неизвестным нам человеком, Крыленко сказал ему: «Отлично, так и сделаем. Приходите через полчаса, а мы тут пока решим». Неизвестный ушел, и Крыленко обратился к нам: «Товарищи, сегодняшний переворот – совершившийся факт. Из всех частей гарнизона поступают сведения, благоприятные нам. Никто, кроме кучки юнкеров, не будет защищать Временное правительство. Власть перешла в

руки народных комиссаров. Керенский бежал из Петрограда. Но могут еще быть судороги павшей власти, и мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям. Рабочие и матросы с нами, но нам нужен и командный состав. Один из вас должен принять командование над рабочими и военными отрядами, которые мы отправляем в Пулково, чтобы оградить город от вторжения казаков. Этот один из вас будет главнокомандующим округом, а остальные будут ему помогать. Посоветуйтесь между собой, который из вас вступит в командование. Через 10 минут я жду вашего ответа. Помните, что мы взяли власть и никому ее не отдадим. Мы будем драться за каждый переулок, за каждый дом, за каждую тумбу», – почти кричал Крыленко, и перепуганный солдат у дверей встал, оправил одежду и взял в руки винтовку.

Мы отошли опять к окну. О чем было совещаться? Мы трое были почти однолетки, командовали ротами и батальонами, но стать вдруг командующими округом при таких условиях, конечно, не могли. Измайловскому капитану пришла счастливая мысль. «Скажем ему, – предложил он, – что мы не рискуем брать на себя такую большую ответственность и такую высокую должность. Но у них, большевиков, есть такой же офицер, как мы, лейб-гвардии Гренадерского полка капитан Дзевалтовский⁵⁶, он с начала революции стал большевиком, его знают, пусть он и командует».

Так мы и сказали Крыленко. К моему большому удивлению, он сейчас же согласился с нашим предложением. «Пусть так и будет, – сказал он, – Дзевалтовский справится. А вы возвращайтесь в свои полки и будьте наготове выступить в поход». «Поход» надо было понимать как выступление частей гарнизона против возможного движения частей, сохранивших верность Временному правительству.

Я шел по полутемному коридору в потоке суетящихся людей и, ошибшись направлением, попал в главный зал Смольного. Именно здесь, в этом огромном двухсветном зале с колоннами, встречался я с сестрами, когда приезжал к ним на прием. Но во что он обратился! Сплошная стена серых шинелей наполняла его. Несколько ораторов одновременно что-то кричали, никто их не слушал. Облако махорочного дыма тянулось через весь зал. Плотнo стоявшие солдаты кричали: «Давай мир! Дальше воевать не согласны!»

Я едва выбрался из зала и, опять толкаясь по коридору, вышел на лестницу главного подъезда. Помню, еще поразила меня тогда в Смольном эта толпа мужчин и женщин, игравших, по-видимому, здесь главную роль. Они что-то приказывали друг другу и лезли во все комнаты. До чего же эти самые ярые большевики были уродливы! Природа их обидела, и они были преисполнены ненависти ко всему, что красиво и нормально!

С облегчением вышел я на свежий воздух. Никто меня не останавливал, и я подошел к ряду машин, стоявших на лужайке. «Товарищ капитан, – окликнул меня один из шоферов, – я вас привез сюда, позвольте мне и отвезти вас домой».

Я не заставил себя долго просить: лучшего способа выбраться из этого гнезда фанатиков и проповедников ненависти нельзя было и придумать. Никто нас не задерживал. Мы проехали главные ворота, где, так же как и утром, сидело у костра несколько солдат, не обративших на нас никакого внимания. Свернули на Суворовский. Навстречу нам неслись легковые машины и грузовики, переполненные рабочими, солдатами и взъерошенными женщинами.

«Меня вчера, можно сказать, реквизировали с машиной и заставили ехать в Смольный. Мой генерал и не знает, где я, думает, верно, что сбежал я. Вот довезу вас, и надо к нему возвращаться. Бог с ними, с большевиками, в Смольный я больше не поеду», – сказал мне шофер.

Около часа дня я вернулся на Измайловский проспект, в наше собрание. В столовой меня встретил командир запасного полка. Как я и думал, он был совершенно здоров и, не смущаясь, сказал мне, что не хотел ехать к «военному министру», так как знал, что ехать надо в Смольный, и предоставил мне удовольствие этой поездки. В собрании было много офицеров. Я рассказал обо всем виденном и слышанном за то утро. От них я узнал, что полковой комитет

постановил «держать нейтралитет» и не выступать ни на одной, ни на другой из борющихся за власть сторон. Такое же решение вынесли и наши соседи – измайловцы.

Усталый, я сидел у окна и пил чай. Было часа три дня, но так тускло и туманно, как будто был уже вечер. Вдруг я увидел солдат, сбегających к памятнику Славы. На пьедестал памятника карабкался маленький человек в короткой шинели. Он размахивал руками, видно что-то крича. Большая толпа собравшихся солдат кричала ему в ответ. Я сразу же узнал оратора – это был «военный министр» прапорщик Крыленко.

Надо признать сверхчеловеческую энергию, которую проявили вожаки большевиков в этот день. Узнав о «нейтралитете» наших полков, Крыленко тотчас же прилетел сюда, чтобы заставить наши комитеты переменить это решение. И заставил: комитеты решили поддержать большевиков и в случае надобности выступить в окрестности Петрограда для защиты новой власти от возможного нападения на столицу извне.

А где же была законная власть, где был пресловутый полковник Полковников? Никаких приказаний от наших начальников не поступало, и мы ничего не знали о том, что делает правительство, и вообще существует ли оно.

Несмотря на просьбу (уже не приказание) командира полка, я не хотел больше оставаться в собрании и поздним вечером отправился пешком домой. Со стороны Невы я слышал сильную ружейную стрельбу, изредка – пулеметную очередь. Улицы были пустынные, иногда попадался торопящийся домой прохожий. Без всяких происшествий я вернулся в «Асторию», где меня ждал отец.

Стрельба продолжалась. Перепуганные жители гостиницы толпились в вестибюле. Шел разговор о том, что рабочие и солдаты штурмуют Зимний дворец, где находятся еще члены Временного правительства. Их защищают юнкера и женский батальон Бочкаревой⁵⁷. Эта горсточка восторженных юношей и девушек было все, что встало на защиту всем осточертевшего правительства Керенского.

Отец показал мне грязный печатный листок, уже выпущенный большевиками, где говорилось о создании нового правительства во главе с Лениным и народным комиссаром по иностранным делам Троцким.

«Они сами осуждают себя на провал, – говорил отец. – Никогда союзники не признают такого правительства и не будут разговаривать с каким-то Троцким». Но я вспомнил свою утреннюю поездку в Смольный и слова Крыленко: «Мы взяли власть и никому ее не отдадим. Будем драться за каждый дом, за каждую тумбу!» – и думал, что эти фанатики способны разрушить город и будут драться действительно за каждую тумбу.

Еще долго говорили мы о наступившем хаосе в городе, в армии и по всей огромной России. Рано утром мы были разбужены стуком в дверь. В комнату вошел офицер лейб-гвардии 3-го стрелкового полка в чине капитана. Я не был с ним знаком, но знал его как кадрового офицера. Он объявил, что совместно с комиссаром нового правительства и членами полкового комитета делает обыск по всей гостинице и конфискует оружие.

«Я знаю вас, Ваше Превосходительство! Вы приезжали к нам в собрание на общие обеды. Поэтому я поспешил к вам, пока другие задержались в соседнем номере. Если у вас есть оружие, сдайте его мне. Я вам верну его через некоторое время». – «Вы что же, признали новую власть и служите ей?» – спросил отец. «Я служу в своем полку и никуда из полка не хочу уходить. Пока можно, буду держаться полка, а там видно будет. Вчера ночью большевики взяли и разгромили Зимний дворец. Никто, кроме кучки юнкеров и женщин, не пришел защищать брошенных Керенским министров. А те сидели и ждали своей участи. Уж лучше сбежали бы и они. Не пострадали бы юнкера и уцелел бы дворец».

Без стука вошел человек в шведской куртке и офицерском снаряжении и с ним два солдата. «Товарищ, – обратился к нему капитан, – здесь все в порядке, генерал сдал свой револьвер. А ваш?» – обратился он ко мне. «Мой револьвер находится у дежурного офицера моего

запасного полка, – ответил я. – В полдень я должен быть в полку и получу свой револьвер». – Смотрите не опаздывайте», – заметил комиссар. На этом обыск и кончился.

В полк я не собирался, но револьвер мой действительно был у дежурного офицера. Со времени моего ранения в 1914 году моя правая рука и пальцы настолько ослабели, что я не мог «выжать» ни одного выстрела из нагана, а потому и не носил его. Но, являясь в полк по форме одетым, я брал в кобуру револьвер.

В этот день по всей гостинице был произведен обыск и, как я узнал, в целом ряде номеров произошли неприятные столкновения и аресты офицеров. К сожалению, я сам себе накаркал: правда, не в полдень, а позже, за мной приехал один из офицеров с приказанием явиться в полк.

Опять я попал в гущу митингов, заседаний и разговоров. К Петрограду двигались казаки генерала Краснова⁵⁸, и новая власть принимала все меры к обороне столицы. Уже много рабочих и матросских отрядов заняли позиции на Пулковских высотах, и большевики хотели усилить их запасными частями гарнизона. Но полковые комитеты не торопились исполнять приказания – воевать им определенно не хотелось.

К счастью для большевиков, и казачьи части, сильно уже распропагандированные, тоже не слишком стремились к боевым действиям. После незначительной перестрелки у Царского Села, однако с применением артиллерии, казаки отошли к Гатчине, где и закончили свой бесславный поход в защиту Временного правительства.

Я опять ночевал в собрании, а на следующий день полк выступил к Пулкову. Вместе со старшим офицером я поехал на машине догонять полк, и, обогнав его у Пулкова, мы въехали в Царское Село. Город казался вымершим. Жители попрятались по домам, не зная, кончилась ли так неожиданно для них возникшая война. Мы проехали мимо столь дорогих мне мест моей прежней службы и у Феодоровского собора ждали прихода полка.

Было получено приказание направить полк к станции Александровской, погрузиться в поезд и вернуться в Петроград. Уже в темноте шли мы по Измайловскому проспекту и какие-то люди приветствовали полк как победителей.

Я попрощался со своими друзьями и вернулся в гостиницу. С этого дня служба моя кончилась. Я не занимал в запасном полку никакой должности, числился в распоряжении командира полка, но в полку на днях должны были производиться перевыборы командного состава, и все мы, офицеры полка, находились, собственно, в неопределенном положении. Большинство старших офицеров, и я в том числе, не хотели быть выбранными и вообще продолжать службу, подчиняясь новой власти.

С этого времени я перестал себя чувствовать прежним человеком и вскоре ушел в подполье. С момента возникновения новой власти возникла и борьба с ней, борьба совершенно неорганизованная и никем не возглавляемая.

Соппротивление большевикам было инстинктивным, неприемлемость их власти – очевидной, а борьба с ними, залившая кровью всю Россию, уже в тот момент сознавалась неизбежной. Шли аресты, начинала свою кровавую работу чека, но банки еще работали, магазины торговали остатками своих товаров, и выходили еще оппозиционные газеты.

Некоторое время я жил у отца, в «Астории», но скоро всем жившим там было предложено покинуть гостиницу, так как она предназначалась для будущего Учредительного собрания. Отец взял скромную меблированную комнату на Бассейной улице.

Руки мои очень болели, и нужно было подумать о лечении. Я обратился во врачебную комиссию для раненых и был определен в госпиталь. При содействии друзей я мог сам выбрать больницу, где было место. Госпиталь этот был основан графиней Карловой для раненых офицеров в ее особняке на Фонтанке.

С полком всякая связь прекратилась. Там шли выборы командного состава, митинги и полный развал. Наступал новый период моей жизни и деятельности.

Единственным связующим звеном с моим полком был мой денщик, время от времени приходивший ко мне и приносивший новости. Солдат этот, очень мне преданный, сыграл большую роль в этот период моей жизни, и все мои дальнейшие решения были связаны с его советами. Но это заслуживает особого повествования.

В.Лисенко⁵⁹

Конец одной батареи⁶⁰

С моим командиром батареи Михаилом Михайловичем Киркиным я был знаком еще до войны. Он был женихом моей соученицы в музыкальном училище города Житомира Марианны Эразмовны Кандыба. Хотя наше знакомство и было только шапочным, я был все же очень рад, когда по окончании Николаевского артиллерийского училища попал по воле судеб под его командование. Человек он был очень добрый, вежливый со всеми, до последнего солдата, а его храбрость и благородство я оценил впоследствии, во время войны и революции. Единственный его недостаток заключался в том, что он заикался. Поэтому, когда мы получили известие о «бескровной революции» и об отречении Государя от престола, он просил меня, только что окончившего университет юриста, сообщить об этом нашим солдатам и объяснить им значение происшедшего.

Мы, на фронте, сознавая нашу ответственность, относились к этой катастрофе не так легкомысленно, как это было в тылу, и не радовались беспечно «свободе», свалившейся на Россию. Перед фронтом солдат я сказал поэтому, что безумно устраивать революцию во время войны и что не может быть свободы всякому поступать так, как ему вздумается, когда Родина в опасности, и что всякий русский должен продолжать исполнять свой долг, где бы он ни находился.

Солдаты молча выслушали мою речь и молча разошлись. Я спросил потом телефониста Шевченко, самого интеллигентного из наших солдат, как они приняли мою мысль. Он ответил мне, что все поняли всё, но были только удивлены, что слышали это от меня, которого они считали раньше «социалистом». На мой вопрос, откуда солдаты это взяли, Шевченко сказал, что, когда мы вышли на фронт, я хотел будто бы жить с солдатами в землянках для оружейных номеров.

– Что же они все-таки думают? – спросил я у Шевченко.

– Номера, запасные из полтавцев, сказали, что вы говорили правильно, а молодежь, разведчики, говорят: «Посмотрим, что дальше будет!»

История с землянками случилась в Галиции, под Станиславовом, где мы стали на позицию возле одной деревни. Заведующий хозяйством реквизировал для меня одну хату, а бабы-галичанки подняли такой вой, что я решил ночевать с оружейными номерами, чтобы не стеснять мирное население. Но когда я пришел в землянку, там не оказалось ни одного солдата, а фельдфебель Гора сказал мне, что мое присутствие стесняло бы солдат. Так мое «хождение в народ» и кончилось, бабы же, получив две «трешки», быстро успокоились. Потом не только офицеры, но и все солдаты жили по хатам, и один из них даже женился на местной галичанке, так как в деревне этой мы простояли довольно долго.

На первых, после революции, порах «дальше» ничего не произошло. Фронт держался, но однажды немцы нащупали нашу батарею на позиции, которая была нам указана штабом, и зверски нас обстреливали в продолжение восьми часов. Первой же бомбой был тяжело ранен Шевченко, сшиблены два перископа и разбиты щиты. Следующей же ночью мы перевезли батарею на другую позицию, которую уже выбрали сами.

Началась подготовка к «наступлению Керенского»⁶¹. Навезли массу артиллерии, тяжелой, мортирной и легкой, огромное количество снарядов и принялись долбить днем и ночью Дзике-Ланы, превратившиеся за время бездействия после отречения Государя в настоящую крепость с крытыми траншеями, убежищами, казематами и т. д. После 10-дневной подготовки гора была совершенно изрыта снарядами и началось «наступление». Наша пехота свободно заняла два ряда траншей противника, вывела из казематов оглушенных австрийцев и... остано-

вилась. Тут-то и сказала «свобода». «Свободные» воины остановились перед третьим рядом траншей и начали митинговать, решая, что делать дальше, слушаться ли начальства и идти ли в дальнейшее наступление. Операция, в общем, была сорвана, а дней через десять немцы подвезли подкрепления и перешли в наступление сами. Так кончилось это знаменитое наступление, и весь фронт начал постепенно сползать на границу 1914 года между Россией и Австрией. А наш степенный фельдфебель Гора, до «свободы» беспрекословно исполнявший все приказания, заявил мне, что нам не надо «ни анексии, ни контрибуции, и стало быть, воевать незачем».

Пропаганда сделала свое разрушающее мораль дело, личная ответственность каждого сменилась решениями толпы солдат на митингах, руководимых опытными агитаторами, приказом номер 1 офицерство было лишено всякой власти, и начался повальный отъезд в тыл. Уехали заведующий хозяйством поручик Иордан, Георгиевский кавалер Николаев, старший офицер Крашенников – после того как солдаты хотели отобрать у него оружие. Уехал в штаб армии и фронта за получением инструкций капитан Киркин, исчез командир дивизиона полковник Дроздов.

Остался на батарее я один со своими полтавцами – запасными и молодежью – разведчиками, с полным хозяйством, прекрасным конским составом и четырьмя орудиями.

Тем временем немцы продолжали постепенно теснить нас без боев, наводя страх на наших солдат своими авионами. наших же самолетов, кроме однажды одного «Ильи Муромца», мы не видели.

Наконец мы остановились у деревни Сатанов, где находился большевистский корпусный наш комитет, который своей демагогической политикой окончательно развалил части и дискредитировал оставшийся командный состав наших двух других батарей.

Наблюдая все это и отчаявшись дожидаться возвращения капитана Киркина, я посоветовался с еще оставшимися офицерами дивизиона и дивизионным адъютантом поручиком Наркевичем и решил уйти на соединение с организовывавшимися в тылу украинскими частями, потому что оставаться дальше на фронте было невыносимо. Немцы приближались каждый день. Но большевики были в курсе моих намерений, и комиссар нашего 41-го армейского корпуса при встрече заявил мне тоном, не допускающим возражений: «Если вы, товарищ, двинете вашу батарею без моего разрешения, то будете нести ответственность перед революционным трибуналом».

Мне оставалось только поблагодарить его за предупреждение, и в ту же ночь, при 20-градусном морозе я повел свою батарею по фронту, на юг, чтобы «замести следы». По дороге мы встретили 2-ю батарею нашего дивизиона, которая уходила на север, в Польшу. Через два дня мы прибыли на станцию Деражно, и я просил начальника станции дать мне состав, чтобы везти батарею на Киев. Начальник станции сказал мне: «Помилуйте, смотрите сами, что делается! Свободных составов у меня нет, все ушли в Киев, а если бы и были, то солдатня сейчас же занимает все поезда. Все бегут самотеком, с отпусками и без отпусков, и вам не дадут ничего погрузить, а тем более орудия и лошадей. А вот в 20 верстах отсюда, в городе Летичеве, стоит украинский кавалерийский полк. Двигайтесь туда и соединитесь с ним.

Поблагодарив начальника станции, я протелефонировал командиру этого полка, не помню уже ни чина, ни фамилии его, и он мне ответил: «Приезжайте сюда, примем вас с удовольствием».

Я сообщил об этом солдатам, но, увидев железную дорогу и поток солдат, стремящихся в тыл, они заявили мне, что, если батарея не будет отправлена поездом, они самостоятельно отправятся по домам и поэтому желают, чтобы я написал бы им отпуска.

«Хорошо, – ответил я им, – я напишу вам отпуска, но прежде перевезите мне батарею в Летичев завтра же, а там я найду людей» (в надежде на кавалеристов).

Ночью мой вольноопределяющийся будит меня и говорит, что наши солдаты на станции, где ждут первого поезда.

Иду на станцию. Говорю им: «Как вам не стыдно, вы же обещали мне перевезти батарею, и я даже выдал вам вперед отпускные бумаги. Вы меня обманули!»

Солдаты ничего мне не отвечают, отворачиваются от меня и прячутся за спины других.

Утром я увидел, что у меня осталось всего человек 15 разведчиков, и звоню опять командиру кавалерийского полка, рассказываю о предательстве моих солдат и прошу его прислать мне людей для перевозки батареи. В ответ он говорит мне: «Переезжайте сами, а здесь мы все уладим».

В тот же день я пересылаю по частям всю батарею с разведчиками в Летичев, где нас помещают в начисто разграбленном помещицком фольварке и для ухода за лошадьми назначают восемь пленных чехов.

Я еду к бравому командиру:

– Батарея здесь! Давайте мне людей!

– А вот мы соберем сейчас нашу полковую раду (совет), что рада решит, то и будет.

На раде поднялся настоящий вопль: «Война кончена и мы все едем домой!»

Так я и остался со своими пятнадцатью разведчиками, с батареей и лошадьми, но без людей и уже без денег, так как почти все суммы были истрачены на довольствие людей и на фураж. Что было мне делать? Я решил ехать в Бердичев, в штаб Юго-Западного фронта. Приехав в Бердичев, являюсь в штаб. Спрашиваю, где Главнокомандующий. Отвечают: «Здесь, вот в той комнате». Странно! Нет часовых, никто не докладывает. Стучу в дверь.

– Войдите!

Вхожу и вижу – стоит знакомый мне по 41-му армейскому корпусу поручик Петренко.

– Рад вас видеть, поручик, – говорю ему, – я хотел бы видеть Главнокомандующего.

– Главнокомандующий – это я, – отвечает Петренко. – Что же вы хотите?

Тогда я объясняю ему, что у меня есть чудесная батарея, с полным конским составом, но без людей. Есть только пятнадцать разведчиков. Дайте мне людей, и я буду в вашем распоряжении.

– Видите ли, – говорит он, – вы имеете 15 надежных людей, а я и этого не имею. А орудий вокруг Бердичева валяется сколько угодно, и лошадей тоже. И все они дохнут с голода. Приезжайте ко мне с вашими разведчиками, а батарею бросьте там, где она находится.

– Хорошо, – говорю я. – Дайте мне приказ об этом.

– Приказа я дать вам не могу, это лишь мой вам совет. А вы поступайте как хотите.

– Очень жаль, – отвечаю ему, – но бросить без приказа вверенную мне батарею я не могу. Кроме того, что я – офицер, я еще и юрист, и чувство ответственности у меня слишком велико. И разведчики мои могут не согласиться на такое решение вопроса. Честь имею кланяться!

Я вернулся в батарею с чувством человека, потерявшего последнюю надежду на спасение. Сейчас же по возвращении я собрал местный совет из «побитового старосты» (городского головы) и других влиятельных граждан города, и они подписали мне свидетельство о том, что, ввиду создавшихся условий и приближения немцев, я должен был демобилизовать батарею, сняв и зарыв замки с орудий и снаряды, и передать все имущество и конский состав в распоряжение особой городской комиссии. Все это так и было сделано. Когда лошадь переходила в распоряжение комиссии, к ней подбегал очередной мужик из толпы, хватал лошадей под уздцы и уводил без всяких других формальностей, теперь ненужных. Свобода так свобода!

Мне осталось только написать отпуска моим верным разведчикам, поместить всю батарею канцелярию на подводу, купить у городской комиссии пару батарейных же лошадей и уехать за 200 верст отсюда к моим родителям, в город Острог, объезжая по дороге подозрительные села.

Подъезжая к Острогу, я встретил настоящую украинскую конницу в высоких папах с красными китицами.

– Кто едет?

– Бывший командир бывшей батареи!

– А пишущая машинка у вас есть?

– Нет!

– Ну проезжайте!

А через два дня, в Остроге, стук в дверь – из комнаты входит мой пропавший командир капитан Киркин.

– Я все время шел за вами по пятам, опрашивая окрестных жителей, – сказал он мне. – Все, что вы предприняли, я знаю и все одобряю. Иначе вы не могли поступить, и я сделал бы то же самое. А теперь я должен спешно уходить от вас «по шпалам». Немцы уже в Ровно, и поездов нет. Не могу даже остаться у вас переночевать.

Я дал ему одну из лошадей, и он уехал. Потом мы встретились с ним в Киеве, где я работал под его руководством для Добровольческого движения. Большевики его расстреляли. Это был настоящий герой, спокойно и со своей доброй улыбкой пошедший навстречу своей смерти.

Е. Ефимовский⁶²

В офицерских погонах⁶³

В моих воспоминаниях особое место занимает Съезд офицерских делегатов армии и флота в Петрограде весной 1917 года. Мне не совсем понятно, почему его замолчали, даже в объективных воспоминаниях генерала А.И. Деникина.

Это были месяцы, когда многим казалось, что согласованность творческих революционных сил и творчества предшествующих поколений удержит в равновесии государственное здание России. Это были месяцы, когда офицерам не отдавали чести, но еще не снимали погон. Съезд отличался от съезда в Ставке Верховного Главнокомандующего своим составом: в нем были не только фронтовые части, но и запасные полки; это влияло на степень политического разложения.

Наша делегация, представлявшая совет офицеров Московского гарнизона, заметно нервничала. Московский Совет не был левым. Его председателем был генерал князь Друцкой⁶⁴. Помню красочную сценку: заседание Совета; в отдалении сидит «око революционной полиции» – прис. пов. Никитин⁶⁵ и прис. пов. Вл. И. Малянтович, про него был сложен афоризм, что он «лучший юрист среди естественников и лучший естествоиспытатель среди юристов». Во время прений один из «неукротимых» заявил, что «его любовь к полиции не увеличивается от того, что она красная». Левая полиция покинула зал.

Петроград нас не порадовал. В нем офицерство как бы извинялось за свое звание. Эта же атмосфера была в заседании в помещении армии и флота. На трибуне гвардии полковник Гушин⁶⁶; его речь – обвинительный акт против офицерства и приветствие новому духу в армии, – официальные аплодисменты. Капитан Ждан-Пушкин просит отложить «ремонт здания до окончания пожара». Выступает с филиппикой представитель Совета рабочих и солдатских депутатов – повышенные аплодисменты.

Я смотрю вокруг: смущенные и приниженные взгляды. Психологический момент: или залу нужно взять, или в ней нечего делать. Вспомнил старые университетские сходки. Прошу слова. В отличие от предыдущих ораторов, вместо «товарищи» и «граждане» начинаю: «Ваши превосходительства и господа офицеры». Я слышу как бы вздох облегчения. Продолжаю: «Когда я слышу здесь осуждение классового состава российского офицерства и его привилегий, я невольно вспоминаю, что действительно офицерство имело одну обязанность, бывшую в то же время его правом и привилегией, – вести других на смерть за Россию и своей смертью подавать пример самоотвержения». Гром аплодисментов. Обращаясь к ложе Советов солдат и рабочих, я добавляю: «Если вы жаждете этой монополии, поспешите на фронт; перед вами поле для вашего геройства». Общий смех. Партия была выиграна, нужно было закрепить большинство. Заканчивая речь, я говорю: «Я обращаюсь к тем, кого, может быть, и нет в зале, кто не привык ползать на брюхе перед тем, кого он вчера проклинал; я зову их на действительную помощь, я их зову на помощь России».

Резолюция полковника Гушина и красного генералитета позорно провалилась. Среднее офицерство спасло офицерскую честь.

В полку застал новость. Меня назначили в распоряжение командира вновь формируемого в Москве ударного полка имени 1 марта – капитана Т.Д. Кругликова, бывшего в этот момент и.д. командира 85-го запасного полка. Являюсь. «Хотите ехать с нами в Бессарабию и посмотреть на революционное творчество?» Капитан Кругликов – сибиряк и левый с сильным креном. «Рад стараться».

Полк отбыл через неделю, я должен был его догнать через три дня. Остроты сменялись сплетнями. Надо мной смеялись: «променял кукушку на ястреба», «это не полк, а сброд преступников». Как всегда, молва преувеличивает. Но иногда держится. Уже в Париже среди галлиполийцев за стаканом вина разговорились с генералом А.П. Туркулом; кто-то упомянул 1 марта. Туркул разразился: «Был такой сброд, который носил это имя». Тут уж затрагивалась честь моего полка. Спрашиваю: «Вы про кого это изволите говорить?» Генерал Туркул: «Почему это вас волнует?» Ответ: «Я офицер полка имени 1 марта; это единственный полк во всем фронте, получивший пять георгиевских крестов за военные заслуги в ноябре 1917 года. На Новый год 1918 года все офицерство было в погонах. Полк демобилизовался по приказу». В чем же дело, недоумевал генерал Туркул.

А дело было вот в чем: прав и Туркул, и я. Он говорил о первых неделях полка, я о последних месяцах. В составе полка было несколько энтузиастов во главе с пор. Ушаковым, бывшим адъютантом Грузинова⁶⁷ во время революции, и разношерстная молодежь, не имевшая понятия ни о военной службе, ни о воинской дисциплине вообще. Всему пришлось обучать на ходу, нужно было заставить слушаться. Администратором исключительного таланта оказался командир полка Т.Д. Кругликов. Так суметь войти в психологию революционного солдата, суметь извлечь лучшие элементы и вместе с ними поставить на боевую ногу – это было бы чудом, если бы не было делом рук человеческих. А это было. Полк нес боевую службу. Лихие разведчики с поручиком Ушаковым и поручиком Казаковым производили боевую разведку, брали пленных венгерцев. Раз наш взвод привел их целый десяток. Было несколько трудных психологических случаев; они устранялись не только командованием, но и членами полкового комитета.

Покойный начальник дивизии генерал Энгель⁶⁸ говорил мне, что таких метаморфоз он не видал за все время своей службы. У меня навсегда осталось вопросом – почему же то, что оказалось возможным в маленькой боевой единице, не смогло быть сделано в пределах государства?

Очевидно, нужны были прежде всего люди. Их не оказалось.

Под Новый год мы собрались в последний раз у нашего командира; мы были демобилизованы. Настроение было тяжелое. Я попробовал его рассеять: спрашиваю, где же обещанное революционное творчество? Кругликов вспыхнул, обвел всех глазами, хотел что-то сказать, но не смог и забился в конвульсивных рыданиях. Сквозь них слышны были фразы: «погубили Россию». Когда он успокоился, то сказал: «Мы с вами честно сделали все, что смогли; это, – он развел руками, – дать ничего не может, разве что лишний эшелон пленных для немцев; но разве вы не чувствуете, что силой веет; на анархию идет жестокая реакция, она победит. Может, с ней победит и Россия; но это будет ее последняя карта. Во всяком случае, спасибо за доверие и службу».

На следующий день Кругликов уехал. Из газет я узнал, что он в Москве стал помощником командующего войсками – Уралова⁶⁹; но это продолжалось недолго. Красная реакция сожрала того, кто ей доверился.

Я много раз встречался с митинговыми большевистскими ораторами, они были динамичны, но страшны только в малокультурной среде. Там – это была их стихия. Судьба дала мне случай, перед отъездом из армии, выдержать тяжелый ораторский турнир. Начальник дивизии генерал Энгель вызвал меня и говорит: «Я не могу приказывать, но, если можете, побывайте сегодня на соединенном собрании всех комитетов дивизии; приехали из Петербурга делегаты Совета солдатских и рабочих депутатов; если сможете, скажите ваше слово». По офицерской традиции просьба выше приказа. Поехал верхом за восемь верст от нас, на заседание. Все комитеты в сборе. Волнуются. Пришли делегаты (два) и сделали свой пропагандный доклад. Ораторы они были средней силы, им помогла атмосфера. Когда они кончили, я попросил слова.

Меня хорошо знали в дивизии как старого либерала. Признаюсь, часовая речь была для меня самой трудной в жизни. Я знал, что играю своей головой. Техника победила. Лозунг России и народа оказался выше пролетариата. Но мой опыт мне подсказал, что надо смываться, не дожидаясь реплики. Я оказался прав. Я вернулся в штаб дивизии, мне там сказали, что митинг потребовал моего изъятия. Дождаться я не стал и поехал в свой полк имени 1 марта, где мог быть спокоен за свою судьбу.

Через день я уехал в «командировку» в Киев. Моя военная служба кончилась.

И. Лисенко⁷⁰

Записки юнкера 1917 года

Последние дни в училище⁷¹

В тяжелое время пришлось нашему поколению начинать свою действительную службу. Воспитанные в военных семьях и кадетских корпусах, мы с горечью и недоумением встретили февральскую революцию, начавшееся разложение фронта и тыла русской армии и сопровождавшие их издевательства и глумления над всем тем, что для нас было свято. Перед нами стал мучительный вопрос: есть ли смысл добровольно идти в военные училища (большинство из нас было еще непризывного возраста) и, принимая присягу Временному правительству, как бы воспринять и примириться со всем совершившимся. Трудно передать те сложные чувства, которые были тогда на душе каждого из нас, но все же была надежда на победу над внешним врагом, связанным с ней возрождением и величием Родины.

Первые 4 месяца пребывания в училище внесли много бодрости и уверенности на лучший исход. Константиновское артиллерийское училище сумело сохранить весь внутренний уклад жизни и работы дореволюционного времени. Наш 11-й выпуск состоял из 300 юнкеров, из которых около 50 процентов были кадеты выпуска 1917 года, а остальные 50 – студенты высших учебных заведений, гимназисты и реалисты. При всей разнородности настроений и взглядов, почти у всех была жажда установления порядка и дисциплины во всей стране и желание поддерживать их хотя бы в своей среде. Изверившись во Временном правительстве, ждали, что спасение придет от генералов Корнилова, Алексеева или от какого-нибудь другого решительного и честного генерала.

Это настроение, а также излишне откровенная болтовня несдержанных юношей не осталась тайной для Совдепа и Временного правительства, и, после памятных дней Корниловского похода на Петроград, когда особенно ярко обрисовалось настроение большинства юнкеров, в училище была назначена следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Весь материал для следствия доставляли юнкера-социалисты, образовавшие кружок «Поддержки Временного правительства и защиты завоеваний революции». Обвинения носили следующий характер: «юнкер Понсет пел Царский Гимн», «юнкера из кадет собираются на секретные совещания и открыто ругают А. Керенского». Подобные же комиссии были и в других училищах. Причем охрана города и поддержка порядка лежали на обвиняемых. Фактически это были единственные люди, готовые действительно защищать Россию, а в силу создавшейся обстановки, и презираемое Временное правительство от большевиков.

После замены батареи училища, стоявшей в Зимнем дворце, больше в караул батареи не назначались. Нас это только порадовало, так как работы и без того было много. Неожиданно, в начале октября, нам объявил генерал Карачан⁷² (начальник Михайловской артиллерийской академии и всех артиллерийских училищ), что мы будем произведены в офицеры 1 декабря, а сейчас получаем 2-недельный отпуск за ту тяжелую работу, которую пришлось нам вынести. Станным казалось воспользоваться отпуском в такое тяжелое время, когда все напряженно ожидали «выступлений справа или слева», но беззаботность утешала, что «авось» без нас еще все будет тихо. Была надежда, что «кто-то» должен иметь в виду нашу готовность идти на защиту права и порядка.

Быстро прошли дни свиданий с близкими, и 22 октября наш курс опять собрался в училище. Здесь мы впервые встретились и с нашим младшим 12-м ускоренным курсом, сплошь состоявшим из студентов и окончивших гимназии и реальные училища. К нашему удоволь-

ствию, среди них царило близкое нам настроение. Чувствовалось, что наступают грозные дни, и верилось, что училище сумеет выйти с честью из всех передраг.

Подбадривало и впечатление хорошо налаженной связи с другими училищами, а также передаваемые на закрытых собраниях краткие указания от национально-мыслящих правых и военных организаций (Общества Государственной Карты, возглавляемого Пуришкевичем⁷³ и В.В. Глинским, редактором «Исторического вестника»). Казалось, что помимо нас есть организованные силы, сумеющие взять руководство в нужную минуту. Непонятно было только слишком осторожное и выжидательное отношение ко всему наших офицеров, но и оно объяснялось необходимостью.

Пока же вели занятия и несли усиленные внешние и внутренние караулы. В городе же большевики окончательно обнаглели, вели открытую пропаганду и местами убивали своих противников.

25-го, неожиданно для всех, власть в городе фактически перешла в руки большевиков. На улицах появились разнузданные толпы солдат запасных частей и матросов, отказавшихся исполнять приказания Временного правительства.

Совдеп объявил себя главою государства. Начались аресты высших начальников. Керенский бежал. Наше начальство тщетно пыталось продолжать нормальные занятия и успокоить юнкеров. Мы волновались и требовали, чтобы нас вели «усмирять» большевиков. Кругом творился хаос, училище окружило себя караулами, были запрещены отпуска, и мы чувствовали себя отрезанными от мира. До нас доходили смутные слухи: «Генерал Карачан убит», «Владимирцы⁷⁴ – дерутся», «Павлоны⁷⁵ – окружены бронев автомобилями и не сдаются».

И вдруг вечером 25-го мы слышим орудийный гул и над нашим садом пролетает несколько тяжелых снарядов. Это стреляла «Аврора» по городу и Зимнему дворцу. Мимо окон по Забалканскому проспекту солдаты с винтовками провели безоружных юнкеров Школы прапорщиков. Офицеры и начальник училища генерал Бутыркин⁷⁶ уговаривали нас не волноваться и ждать приказаний, но последние до нас не доходили.

В ночь на 27-е я был разбужен своим другом и однокашником по корпусу юнкером Янишевским⁷⁷, сообщившим мне, что группа офицеров и юнкеров около 100 человек отправляется с подложными документами в Быхов, где вместе с должными присоединиться текинцами и Георгиевским батальоном поступают под командование освобожденного ими генерала Корнилова и движутся затем на юг, где собираются антибольшевистские силы, а что в Петрограде уже делать нечего. Мой друг уже 3 дня пропадал из училища (он был в связи с Обществом Государственной Карты). Я немедленно же выразил согласие принять участие в этом предприятии, к которому мы решили привлечь еще несколько человек.

Из 4 разбуженных нами юнкеров после короткого объяснения 3 не раздумывая согласились ехать, и только один просил время обдумать это внезапное предложение. Собраться надо было вечером 27-го в Павловском женском институте, откуда весь отряд должен был двигаться в путь. В томительной неизвестности протянулся день и вечером, набросивши старые «строевые» шинели, предварительно споров погоны, мы вчетвером перебрались через забор юнкерского сада и благополучно доехали на трамвае до Николаевской улицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.